

В. А. Жуковскій и К. Н. Батюшковъ.

Бартеневъ въ статьѣ о Батюшковѣ въ Рус. Архивѣ 1867 г. говоритъ, что Батюшковъ «останется навсегда писателемъ образцовымъ, вѣчнымъ учителемъ изящнаго для будущихъ поколѣній»... По мнѣнію Бартенева, «прочное преуспѣяніе нашего отечества на пути просвѣщенія» зависитъ отчасти отъ того, какъ скоро сочиненія Батюшкова «сдѣлаются общимъ образовательнымъ чтеніемъ русскаго народа».

Мнѣніе Бартенева о важности Батюшкова для общаго образованія, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ весьма крупныя преувеличенія. Для широкихъ слоевъ общества Батюшковъ крайне устарѣлъ. Можно сказать, что Батюшковъ въ значеніи «общеобразовательнаго чтенія» представляется совсѣмъ невозможнымъ. Въ народъ самое имя Батюшкова можетъ проникнуть только черезъ учебники. А въ учебникахъ исторіи русской словесности и въ школьныхъ хрестоматіяхъ Батюшковъ еще надолго удержится—не въ силу стиховъ, которые даже для средней школы теперь устарѣли, а главнымъ образомъ, въ силу его прозы, которая донынѣ не потеряла высокаго художественнаго значенія, и въ силу его вліянія на Пушкина въ лицейскій періодъ вліянія, признаннаго самимъ Пушкинымъ.

Батюшковъ, какъ писатель, во всемъ объемѣ его трудовъ и отношеній, нынѣ можетъ быть предметомъ лишь университетскаго изученія, т. е. такого изученія, которое трактуетъ о жизни и дѣятельности писателя на широкомъ историческомъ и сравнительно-литературномъ фонѣ.

Въ жизни и творчествѣ Батюшкова есть одна сторона, которая можетъ быть предметомъ широкаго общаго интереса—это его отношеніе къ В. А. Жуковскому. Въ отношеніяхъ Жуковскаго къ Батюшкову обнаруживается столько гуманизма и нравственной деликатности, что обзоръ ихъ всегда можетъ дать читателю чувство нравственнаго удовлетворенія. Жуковскій въ стихотворномъ посланіи къ Батюшкову говоритъ:

О другъ! служенье музъ

Должно быть ихъ достойно:

Лишь съ добрымъ ихъ союзъ...

Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно...
Когда отъ нашихъ лиръ
Льются жизни звуки,
Чарующіе муки
Сердцамъ дающи миръ...

Въ отношеніяхъ своихъ къ Батюшкову Жуковскій сумѣлъ реализовать эти поэтическія, идеальныя стремленія. Съ его лиры лились звуки, чарующіе муки, и онъ сумѣлъ смягчить своимъ личнымъ вмѣшательствомъ великія личныя горести и несчастія Батюшкова.

К. Н. Батюшковъ очень близко стоялъ къ Жуковскому и во многихъ случаяхъ пользовался его поддержкой ¹⁾. Въ письмахъ къ Жуковскому Батюшковъ выражаетъ свои задушевные мысли и стремленія, въ письмахъ къ Гнѣдичу свою привязанность къ Жуковскому и глубокое къ нему уваженіе. По словамъ Майкова, Батюшковъ «сошелся съ Жуковскимъ отчасти въ силу того, что ихъ натуры и сами по себѣ и въ творчествѣ были совершенно различны, и эти разницы придавали особенную прелесть ихъ дружбѣ къ глазамъ Батюшкова» ²⁾. Въ 1810 г. произошло уже прочное сближеніе Батюшкова съ Жуковскимъ во время жизни ихъ въ Москвѣ и одновременнаго пребыванія обоихъ поэтовъ въ подмосковномъ имѣніи кн. Вяземскаго Остафьевѣ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Остафьева въ свое имѣніе Хантеново Батюшковъ писалъ Жуковскому: «дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоцѣнно» ³⁾. Въ возгорѣвшейся борьбѣ литературныхъ партій — сторонниковъ стараго и защитниковъ новаго слога — Батюшковъ пишетъ всецѣло во слѣдъ за своими московскими друзьями карамзинистами, что, однако, не мѣшало ему поддерживать дружбу съ человѣкомъ противнаго лагеря Гнѣдичемъ.

Въ февралѣ 1810 г. Батюшковъ писалъ Н. И. Гнѣдичу. «Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ; онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобы я его любилъ» ⁴⁾, а въ мартѣ того же 1810 г. въ другомъ письмѣ къ Гнѣдичу Батюшковъ добавляетъ, что онъ часто видится съ Жуковскимъ и всегда съ новымъ удовольствіемъ, что «у него сердце на ладони», что онъ «съ дарованіемъ, милъ, любезенъ и добръ» ⁵⁾. Черезъ годъ въ апрѣлѣ 1811 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу, относившемуся недруже-

¹⁾ Отношенія между этими поэтами подробно освѣщены въ изслѣдованіи Л. Н. Майкова о Батюшковѣ въ 1 т. Собр. соч. Батюшкова 1887 г.

²⁾ *Батюшковъ*, Собр. соч. I 114.

³⁾ Тоже I. 123.

⁴⁾ *Батюшковъ*, Сочиненія, 1886, III. 76.

⁵⁾ *ib.* 81.

любно къ Жуковскому: «Я его люблю, какъ и прежде, потому что онъ имѣеть большія дарованія, умъ и самую добрую, благородную душу» ¹⁾).

Въ 1815 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу о Жуковскомъ: «Его дарованія и его характеръ не ходячая монета въ обществѣ... Познакомся съ нимъ потѣснѣ; вѣрь, что его умъ и душа—сокровище въ нашемъ вѣкѣ. Я повторяю не то, что слышалъ, а то, что испыталъ» ²⁾. «Дружба твоя для меня сокровище» замѣчаетъ Батюшковъ въ письмѣ къ Жуковскому 1815 г. ³⁾.

Въ нравственномъ характерѣ и въ умонастроеніи Батюшкова въ 1815 г. происходилъ такой поворотъ, который обратилъ его къ Жуковскому, какъ человѣку вѣры и нравственности, и Жуковскій явился другомъ и руководителемъ его нравственной жизни. Въ горестныя минуты жизни Батюшкова, вызванныя его болѣзнями и нравственными его недочетами, Жуковскій его ободрялъ, настойчиво побуждалъ къ труду, говорилъ о нравственномъ значеніи поэтического творчества, приглашалъ ѣхать вмѣстѣ въ Крымъ, однимъ словомъ, употреблялъ все усилія, чтобы поднять упавшій духъ своего друга. И все это Жуковскій дѣлалъ въ то время, когда и у него было очень тяжело на сердцѣ: съ переселеніемъ Жуковского въ Петербургъ, ему предстояла полная перемѣна жизни, и приходилось разставаться съ дорогими связями молодыхъ лѣтъ. Дружескія увѣщанія Жуковского подняли падавшій духъ Батюшкова, и въ 1815 г. онъ писалъ Жуковскому о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ. Изъ Каменца Подольскаго Батюшковъ послалъ Жуковскому тетрадь съ стихотвореніями «Таврида», «Разлука», «Пробужденіе», «Воспоминанія», «Мой Геній». Жуковскій съ большою похвалою въ письмѣ къ Батюшкову отозвался объ этихъ стихотвореніяхъ, и это письмо привело самолюбиваго Батюшкова въ восхищеніе. Ободренный Батюшковъ писалъ Жуковскому: «Я разгулялся и въ доказательство печатаю томъ прозы»... Видно, что Жуковскій вдохнулъ въ него чувства увѣренности въ своихъ силахъ ⁴⁾.

Въ 1818 г. Батюшковъ обратился съ просьбой на Высочайшее Имя о причисленіи его къ какой-либо находящейся въ Италіи русской дипломатической миссіи. Текстъ прошенія составленъ былъ Жуковскимъ. Посредникомъ въ хлопотахъ по этому дѣлу былъ А. Н. Тургеневъ. Батюшковъ получилъ мѣсто въ Неаполь и въ 1818 г. уѣхалъ за границу, напутствуемый добрыми пожеланіями Жуковского и всего Арзамаса, чтобы

¹⁾ ib. 120.

²⁾ ib. 319.

³⁾ ib. 344.

⁴⁾ Батюшковъ, I. 207, 217.

«голубое италянское небо, классическая земля и доброе его сердце доставили ему утѣшеніе и счастье»¹⁾. Этимъ добрымъ пожеланіямъ не суждено было осуществиться. Здоровье Батюшкова быстро шло на убыль; его все чаще стало посѣщать жуткое чувство тоски—симптомъ приближавшагося психическаго растройства, и въ 1821 г. Батюшковъ окончательно впалъ въ ипохондрію и потерялъ рассудокъ.

Батюшковъ чрезвычайно дорожилъ отзывами Жуковскаго. Еще въ 1812 г. онъ называлъ его литературныя замѣчанія «отеческими наставленіями». Пославъ ему въ 1817 г. «Тасса», Батюшковъ писалъ: «Понравился ли мой «Тассъ»? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочиталъ объ этомъ великомъ человѣкѣ... Воскреси или убей меня. Неизвѣстность хуже всего. Скажи мнѣ, чистосердечно скажи: доволенъ ли ты мной?»²⁾. При болѣзненномъ самолюбіи и крайней мнительности Батюшкова, требовалась очень осторожное отношеніе, и Жуковскій нашелъ его въ своемъ добромъ сердцѣ и былъ ангеломъ-хранителемъ больного поэта до послѣднихъ дней его жизни. Психически больной Батюшковъ былъ привезенъ въ Петербургъ и сданъ на руки Е. О. Муравьевой, вдовы извѣстнаго писателя М. Н. Муравьева. Изрѣдка друзья—Жуковскій, Блудовъ, Гнѣдичъ—пытались навѣщать больного. Больной выражалъ желаніе видѣть Жуковскаго. Въ 1824 г. Батюшковъ, по совѣту врачей, былъ отправленъ въ заведеніе для душевнобольныхъ въ г. Зонненштейнѣ въ Саксоніи, съ рекомендательнымъ письмомъ Жуковскаго къ извѣстному въ то время врачу Эрдману. Съ теплымъ участіемъ Жуковскій поручилъ своего бѣднаго друга заботливости своей хорошей знакомой Ел. Григ. Пушкиной, жившей въ Дрезденѣ. Цѣлый рядъ писемъ Жуковскаго къ Пушкиной свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ былъ озабоченъ печальной судьбой бѣднаго поэта. Съ больными поѣхали его сестра Александра Николаевна, и Жуковскій въ письмѣ къ Пушкиной просить и къ ней прійти на помощь. Ваше дружеское участіе будетъ для нея облегченіемъ, писалъ онъ въ 1824 г., а вашъ твердый характеръ будетъ подпорою изнуренной горестями душѣ ея»³⁾. Въ 1826 г. Жуковскій, благодаря Пушкину за ея заботливое отношеніе, говорить «Вы точно ангель хранитель Батюшкова и его несчастной сестры». Батюшковъ и въ тяжкомъ положеніи умопомѣшаннаго писалъ къ Жуковскому изъ Зоненштейна въ 1827 г.: «имѣлъ одно утѣшеніе въ Богѣ и въ дружбѣ такихъ людей какъ ты, Жуковскій... Утѣшь своимъ постѣ

1) *Батюшковъ*, I. 269.

2) *Батюшковъ*, Сочин. III. 187, 425, 446.

3) *Девятнадцатый вѣкъ*, I. 406.

цениемъ, ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ на сей каторгѣ»¹⁾. И Жуковскій не остался глухъ къ этому воплю больной души. Онъ побывалъ въ Зонненштейнѣ и навѣстилъ тамъ Батюшкова. Въ 1828 г. Жуковскій въ письмѣ къ Пушкиной съ грустью замѣчаетъ, что теряетъ надежду на выздоровленіе Батюшкова²⁾. Послѣ 4-лѣтняго бесплоднаго пребыванія въ нѣмецкой лѣчебницѣ, Батюшковъ, въ 1828 г. былъ перевезенъ въ Москву, пробылъ здѣсь полтора года подъ надзоромъ опытнаго врача Дитриха, при чемъ друзья старались развлекать его музыкой, но безуспѣшно. Въ 1829 г. и ходившая за нимъ сестра Александра Николаевна впала въ умопомѣшательство. Несмотря на свою неизлѣчимую болѣзнь, Батюшковъ до 1833 г. считался на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ и получалъ свое прежнее жалованье. Въ 1833 г., по ходатайству Жуковского, Батюшковъ былъ уволенъ и волею Императора Николая Павловича ему была назначена пожизненная пенсія въ 2000 руб. въ годъ³⁾. Въ томъ же году онъ былъ перевезенъ въ Вологду и помѣщенъ въ семьѣ своего племянника Гревенса. Больной пережилъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей—Гнѣдича († 1833), Пушкину († 1833), Тургенева († 1845), Муравьеву († 1848), Жуковского († 1852). Батюшковъ скончался въ Вологдѣ въ 1855 г.

1) Загаринъ, Жуковскій, 332.

2) Деятели, I, 422.

3) Майковъ, Соч. Батюшк. I. 304.

В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ.

Вся жизнь, вся литературная дѣятельность Пушкина прошли на глазахъ Жуковскаго. Жуковскій былъ старше Пушкина на 16 лѣтъ, хорошо былъ знакомъ съ его родителями и стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ дядѣ его, В. Л. Пушкину. Онъ полюбилъ Александра Пушкина съ малыхъ его лѣтъ, былъ для него образцомъ на школьной скамьѣ, ввелъ его, по окончаніи лица, въ кругъ друзей Общества «Арзамасъ», познакомилъ съ выдающимися литературными дѣятелями, выслушивалъ, исправлялъ нѣкоторые стихи и, вообще, въ первое время былъ его руководителемъ преимущественно на своихъ субботнихъ литературныхъ вечерахъ. Жуковскій выручалъ Пушкина изъ опасныхъ и затруднительныхъ положеній, отстаивалъ его передъ властями и литературными противниками, присутствовалъ при кончинѣ, написалъ прочувствованный некрологъ и редактировалъ нѣкоторыя его печатныя произведенія. Такая связь и долготѣнная дружба включаетъ въ себѣ много литературныхъ и филантропическихъ элементовъ.

По рассказамъ младшаго брата Пушкина Льва Сергѣевича, дружба А. С. Пушкина съ Жуковскимъ началась по выходѣ Пушкина изъ лица и продолжалась до послѣдней его минуты.¹⁾ Въ 17 лѣтъ Пушкинъ ужь бойкій «Сверчокъ» Арзамса. На «бесѣдистовъ» градомъ сыпались остроты и эпиграммы. Въ посланіи къ Жуковскому 1817 г. Пушкинъ говоритъ:

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни.

Юный поэтъ обѣщаетъ идти прямой дорогой, при дружеской поддержкѣ Жуковскаго. Юноша поэтъ говоритъ что онъ пустится въ путь
.... Смѣло вдаль дорогою прямою....

. . . . . поддержанный тобою,

Каразминъ и Жуковскій—вотъ образцы Пушкина на зарѣ его поэтической дѣятельности. «Мнѣ ты примѣръ!» говоритъ Пушкинъ обращаясь къ Жуковскому. Въ томъ же стихотвореніи отражается при-

¹⁾ Майковъ, Пушкинъ, 5.

знательность Пушкина за оказанное на него доброе вліявіе. Къ Жуковскому обращены стихи:

Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой,
 Безмолвный я стоялъ и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно съєднаясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.

«Воспоминанія о Царскомъ Селѣ» Пушкина (1814 г.) было тѣмъ стихотвореніемъ, которое закрѣпило симпатіи Жуковскаго. Въ началѣ 1815 г. Жуковскій съ восхищеніемъ говорилъ объ этихъ стихахъ: «Вотъ у насъ настоящій поэтъ!»¹⁾

Вскорѣ Жуковскій посѣтилъ молодого поэта въ лицей и подарилъ ему экземпляръ только что вышедшаго въ свѣтъ изданія своихъ стихотвореній. Этотъ подарокъ былъ для юноши столь важнымъ событіемъ, что онъ тогда же записалъ о немъ въ своемъ лицейскомъ дневникѣ.

Поэзія Жуковскаго, его личность были примѣромъ для Пушкина; такъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ. Нравственно чистая, мягкая, мечтательная муза Жуковскаго вносила кротость и примиреніе въ бурную, страстную душу Пушкина, что прекрасно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Къ портрету Жуковскаго» 1818 г.

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль
 И рѣзвая задумается радость.

Подраженіе Пушкина Жуковскому обнаруживается во многихъ его раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Еще Бѣлинскій²⁾ отмѣтилъ рядъ раннихъ стихотвореній Пушкина («Къ принцу Оранскому», «Сраженный рыцарь», и др.), въ которыхъ «преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музыки Жуковскаго... въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученаго отъ учителя». Проф. Незеленовъ признавалъ, что вліяніе Жуковскаго на Пушкина «было могущественно».³⁾

Здѣсь не мѣсто долго останавливаться на достаточно уже выясненномъ литературномъ вліяніи Жуковскаго на Пушкина. Съ наибольшей полнотой и основательностью вліяніе Жуковскаго въ періодъ времени съ

¹⁾ *Майковъ*, въ 1 т. Акад. изд. соч. Пушкина 91.

²⁾ Бѣлинскій. Сочиненія, VIII, 317 и др.

³⁾ *Незеленовъ* А. С. Пушкинъ, 13.

1812 по 1817 г. включительно въ примѣчаніяхъ покойнаго акад. Л. Н. Майкова въ I т. академическаго изданія сочиненій Пушкина. Почти одновременно и проф. Владиміровъ въ статьѣ о Пушкинѣ и его предшественникахъ отвелъ нѣсколько страницъ параллельному изложенію жизни и дѣятельности Жуковскаго и Пушкина.

Одно изъ раннихъ большихъ произведеній Пушкина «Русланъ и Людмила» было по частямъ прочитано авторомъ на литературныхъ вечерахъ Жуковскаго.

Жуковскій здѣсь оцѣненъ такъ:

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,

а относительно самой музыки Пушкина по его словомъ, Жуковскій
И музыки вѣтренной моей
Наперникъ, пестунъ и хранитель.

Какъ извѣстно, тогда же Жуковскій подарилъ Пушкину свой портретъ съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Но тутъ скромный Жуковскій нѣсколько поспѣшилъ. Пушкинъ всю жизнь свою открыто признавалъ въ немъ своего учителя. Профессоръ Владиміровъ говоритъ, что «Татьяна и Ленскій впервые познали міръ, жизнь сердца, свободную мечтательную даль изъ поэзіи Жуковскаго»¹⁾.

Въ началѣ 20-хъ годовъ творчество Пушкина иногда такъ было близко къ переводамъ и подражаніямъ Жуковскаго, что Пушкинъ долженъ былъ оправдываться въ независимости, какъ это было, на примѣръ, во время появленія «Шильонскаго узника» и «Братьевъ-Разбойниковъ». И въ годы полнаго расцвѣта духовныхъ силъ Пушкинъ всегда подчеркивалъ свою литературную связь съ Жуковскимъ. Окончивши драму «Борисъ Годуновъ», Пушкинъ хотѣлъ сначала посвятить ее Жуковскому и писалъ ему по этому поводу:

«Отче, въ рудѣ твои предаю духъ мой!.. Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ (письмо отъ 17 авг. 1825 г.) ее кончить». Но въ томъ же году скончался Карамзинъ, и Пушкинъ посвятилъ драму его памяти «съ благоговѣніемъ и благодарностью».

Выдѣляя отдѣльно характеристику личныхъ отношеній Жуковскаго и Пушкина, независимо отъ ихъ тѣсной литературной связи, нужно принять къ свѣдѣнію переписку поэтовъ и многочисленныя указанія въ запискахъ и мемуарахъ современниковъ.

¹⁾ Киевскій Университетъ Сборн. Памяти Пушкина, 33.

Есть предположеніе, что Карамзинъ и Жуковскій, жившіе въ Москвѣ въ первые пятнадцать лѣтъ XIX ст., видали Пушкина еще ребенкомъ въ домѣ его родителей, съ которыми были знакомы ¹⁾.

Профессоръ Владиміровъ высказалъ предположеніе, что Пушкинъ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ впервые, можетъ быть, познакомился въ семействѣ Карамзина ²⁾. Какъ бы то ни было, Пушкинъ-лицеистъ былъ уже знакомъ съ Жуковскимъ и его поэзіей, подражалъ ему, бесѣдовалъ съ нимъ получалъ отъ него въ даръ его произведенія, чѣмъ гордился и заносилъ въ свой дневникъ. Стихотворное посланіе къ Жуковскому 1817 г. представляетъ много цѣнныхъ автобіографическихъ признаній. «Русланъ и Людмила» 1817—1820 г. даетъ дополнителныя къ нимъ черты; но при всемъ этомъ, при всемъ уваженіи Пушкина къ Жуковскому, онъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ самостоятельное и критическое отношеніе къ его поэзіи. По рассказамъ брата, Льва Сергѣевича, Пушкинъ въ юности иногда посмѣивался надъ нѣкоторыми стихами Жуковскаго; такъ онъ пародировалъ «Тлѣнность» слѣдующимъ образомъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль; что, если это проза,
Да и дурная? ³⁾.

Лѣтомъ 1819 г. Царскомъ Селѣ проживали Н. М. Карамзинъ съ семействомъ, В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ. Памятникомъ дружескаго отношенія Пушкина къ Жуковскому можетъ служить его пріятельская записка. Здѣсь Пушкинъ говоритъ, что заѣзжалъ къ нему съ Н. Н. Раевскимъ:

Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли,
И увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью «Борисомъ»,
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи: не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ съ Карамзинной?... ⁴⁾.

¹⁾ *Майковъ*, I т. акад. изд. соч. Пушкина 345, съ ссылкой на Бартенева.

²⁾ *Кіевскій Сборникъ*, «Памяти Пушкина» 25,

³⁾ *Майковъ*, Пушкинъ, 5,

⁴⁾ *Майковъ*, Пушкинъ, 138,

Въ ссылкѣ въ Кишиневѣ Пушкинъ внимательно слѣдилъ за литературными работами Жуковскаго. Въ письмѣ къ Гн. Вяземскому 1822 г. онъ говоритъ: «Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному воображенію?» Въ письмѣ къ брату того же года Пушкинъ говоритъ: «Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ?» Въ письмѣ къ Гнѣдичу онъ очень хвалитъ переводъ «Шильонскаго узника»: «слогъ Жуковскаго ужасно возмужаль, хотя утратилъ первоначальную прелесть». Въ кишиневскихъ письмахъ Пушкина 1822 г. и въ письмахъ его изъ Одессы 1823—1824 гг. часто высказываются жалобы, что Жуковскій лѣнливъ на переписку ¹⁾.

Въ концѣ 1824 г. произошло одно событіе, важное въ жизни Пушкина, событіе, тѣсно связанное съ именемъ Жуковскаго. Вотъ что Пушкинъ писалъ Жуковскому изъ Михайловскаго 31 октября вскорѣ послѣ своей ссылки подъ родительскій кровъ: «Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать переписку, короче, быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не зваться *avec ce monstre, ce fils dénaturé*. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ, потому, что хотѣлъ бить!... Передъ тобой не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ—спаси меня. Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я *hors de loi*».

¹⁾ Пушкинъ, Письма, изд. 1888, стр. 28, 37, 42, 64.

Сторяча Пушкинъ написалъ къ псковскому губернатору прошеніе о переводѣ его въ крѣпость. Жуковскій не медлилъ. Онъ поспѣшилъ успокоить обѣ стороны, прочелъ нотацію легкомысленному родителю. Вскорѣ семья поэта уѣхала изъ Михайловскаго; остался здѣсь поневолѣ только А. С. Пушкинъ съ старухой няней.

Уже въ началѣ ноября успокоившійся Пушкинъ писалъ брату: «скажи отъ меня Жуковскому, чтобы онъ молчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ; я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи».

Въ половинѣ ноября Пушкинъ уже начинаетъ свое письмо брату такими словами: «Скажи моему генію хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу (губернатору) у меня; наши уѣхали, а я живъ и здоровъ».

24 ноября Пушкинъ писалъ Жуковскому: «Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: «Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ!» Зачѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками!» Это дѣло десятое. «Да онъ убилъ отца словами»... Каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ?»¹⁾

Послѣдняя фраза представляетъ краткій отвѣтъ на успокоительное письмо Жуковскаго²⁾, въ которомъ Жуковскій говорилъ: «На все, что съ тобой случилось и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ — поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты богачъ; у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженнаго счастья и обратить въ добро заслуженное, ты болѣе, нежели кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ; будь же этого достоинъ... Обстоятельства жизни счастливой или несчастной—шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую съ спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ, я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача, и знаю, что онъ не устанетъ, если употребить силу... Плыви, силачъ!» Этотъ отрывокъ письма ясно показываетъ, какъ высоко Жуковскій цѣнилъ Пушкина, но Жуковскій въ то же время отлично понималъ, что однихъ словесныхъ утѣшеній мало; онъ снабжалъ ссыльнаго силача-поэта книгами, исполнялъ въ Петербургѣ его порученія, ходатайствовалъ за него передъ властными людьми. Онъ какъ бы принимаетъ на себя обязанности отца. Когда Пушкинъ вообразилъ, что заболѣлъ аневризмомъ, и увѣрилъ въ томъ

¹⁾ Письма Пушкина, 97.

²⁾ Письма Жук. къ П. въ собр. соч. т. VI и въ Русск. Арх. 1889 г.,

своихъ друзей, Жуковскій принялъ близко къ сердцу его здоровье и настойчиво совѣтывалъ обратиться къ дерптскому профессору Мойеру: «Прошу не упрямиться, не играть безразсудно жизнью и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога». Пушкинъ не хотѣлъ ѣхать въ Псковъ на операцію. 17 августа 1825 г. онъ писалъ Жуковскому: «Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои всѣхъ такъ беспокояютъ. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокою осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа». Но Жуковскій настаивалъ и писалъ Пушкину: «Ты, какъ вижу передалъ въ руцѣ мои только духъ свой, любезный сынъ. А мнѣ до духа твоего нѣтъ дѣла; онъ живъ и будетъ живъ, ибо весьма живучъ. Подавай же мнѣ свое грѣшное тѣло, т. е. свой аневризмъ, при которомъ не уцѣлѣетъ и духъ твой, нужный для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ поэмъ для твоей славы и для исправленія свѣтлымъ будущимъ своего темнаго прошедшаго... Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ. Твое дѣло теперь одно: не думать нѣсколько времени ни о чемъ, кромѣ поэзіи. Создай, что нибудь безсмертное, и тогда бѣды твои (которыя самъ же состряпалъ) разлетятся въ прахъ. Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое: тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою; тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право»...

Нельзя не удивляться той заботливости, какую проявляетъ Жуковскій къ Пушкину со времени его Михайловскаго заточенія. Пушкинъ захворалъ или ему показалось что онъ боленъ, и Жуковскій стремится ему помочь, выписываетъ опытнаго врача, добивается разрѣшенія выѣхать для лѣченія. По временамъ Пушкинъ, тяготясь ссылкой, высказываетъ неудовольствіе по адресу Жуковскаго; когда Жуковскій долго не писалъ, тогда Пушкинъ называлъ его «покойникъ Жуковскій, царство ему небесное», «господинъ Жуковскій», но Жуковскій обращается съ Пушкинымъ, какъ съ несчастнымъ, больнымъ ребенкомъ, успокаиваетъ, утѣшаетъ. «Отче, пишетъ къ нему Пушкинъ, не брани и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведеть!».

Тяготило Пушкина сельское одиночество, тяготило сознание лишенія свободы, тягостно было отсутствіе друзей, отсутствіе столичнаго шума, отсутствіе культурной среды, и потому онъ съ 1825 г. начинаетъ настойчиво просить Жуковскаго похлопотать о немъ передъ Государемъ. Въ письмѣ къ Плетневу отъ 26-го мая 1826 г. Пушкинъ говоритъ: «Не смѣю надѣяться, но мнѣ было бы сладко получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ кого другого», Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому Пуш-

кинъ высказываетъ ту же мысль. «отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу, будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина». Умоляя Жуковскаго похлопотать объ освобожденіи, Пушкинъ въ то же время вовсе не хотѣлъ связывать его какими-либо обѣщаніями или обязательствами. Онъ даже просилъ «не отвѣчать и не ручаться за него». Онъ не сознавалъ за собой какой-либо вины, кромѣ неосторожнаго выраженія объ атеизмѣ. «Нельзя ли сказать Царю, писалъ онъ Жуковскому, что такъ какъ Пушкинъ не замѣшанъ въ заговорѣ 14 декабря, то нельзя ли, наконецъ, позволить ему возвратиться». Жуковскій приложилъ всѣ старанія, но сначала его хлопоты были безуспѣшны. Въ апрѣлѣ 1826 г. онъ просилъ Пушкина повременить, нѣкоторое время не напоминать о себѣ. Обстоятельства были неблагопріятны. Хотя Пушкинъ и не былъ замѣшанъ въ заговорѣ, но по рукамъ ходило не мало его стихотвореній свободололюбиваго характера и прямо «возмутительныхъ для порядка и нравственности», какъ объяснилъ ему Жуковскій. «Не просись въ Петербургъ, такъ кончаетъ свое письмо Жуковскій, еще не время. Пиши Годунова и подобное; они отворятъ дверь свободы».

Въ томъ же 1826 г., въ августѣ мѣсяцѣ, хлопоты Жуковскаго и Карамзина увѣнчались успѣхомъ. Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву, представился Императору Николаю Павловичу. Окончательно опала снята была лишь въ маѣ 1827 г. и Пушкинъ немедленно переѣхалъ въ Петербургъ. Жуковскій все это время находился за границей, и свиданіе друзей поэтовъ могло состояться лишь въ концѣ 1827 года. Съ этого времени и до конца жизни Пушкина между ними царствовала самая нѣжная дружба, поддерживаемая частыми свиданіями. Во время одного кратковременнаго выѣзда, въ августѣ 1830 г., Пушкинъ въ письмѣ къ Жуковскому, вспоминаетъ, что своей свободой обязанъ «Богу и тебѣ» (т. е. Жуковскому).

Въ 1831 г. Жуковскій и Пушкинъ въ то время уже женатый, проживали въ Царскомъ Селѣ. Они вмѣстѣ работали надъ сказками. Въ письмѣ къ Данилевскому отъ 2-го ноября 1831 г. Гоголь говоритъ: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ сколько прелести вышло изъ подъ пера сихъ мужей. У Пушкина сказки русскія, народныя, не то, что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія; одна писана безъ размѣра, только съ рифмами и прелесть невообразимая! У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами и—чудное дѣло—Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій, ничего германскаго и прежняго»¹⁾.

¹⁾ Гоголь. Письма, изъ Маркса, I, 196.

Отношенія Жуковскаго и Пушкина въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ послѣдніе годы Пушкина (1831—1837), ярко обрисованы въ запискахъ А. С. Россетъ-Смирновой. Правда, попадаются тутъ кое-какія фактическія неточности, что въ свое время и было ярко подчеркнута въ періодической печати; но общія характеристики такъ жизненны, обставлены такими бытовыми подробностями, что записки Смирновой все-таки остаются драгоценнымъ пособіемъ для изученія литературныхъ нравовъ того времени, въ особенности для изученія личныхъ отношеній Жуковскаго къ Пушкину. Въ одномъ мѣстѣ Смирнова говоритъ (годовъ у нея нигдѣ нѣтъ), что Жуковскій такъ любитъ Пушкина, что «нохожь на курицу, выси-дѣвшую утенка». Сравненіе характерно. Извѣстно, какъ волнуются и любовно суетятся куры, выси-дѣвшія утятъ, когда утята, не ограничиваясь землей, спускаются на болѣе широкую міровую стихію—воду. Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ» Смирнова отмѣчаетъ: «Пушкинъ разрѣшилъ мнѣ записать все, что онъ сообщилъ о своемъ разговорѣ съ Государемъ, прося никому объ этомъ не говорить, кромѣ Жуковскаго, которому онъ самъ все говорить». Однажды, въ гостиной Смирновой зашелъ споръ о литературномъ наслѣдствѣ:

— А кому достанутся твои стихотворенія?—спросилъ Вяземскій Пушкина.

— Жуковскому, отцу кормильцу моей юной музы, таковъ былъ отвѣтъ Пушкина.

Изъ тѣхъ же «Записокъ» Смирновой видно, что Жуковскій, совмѣстно съ Пушкинымъ, былъ руководителемъ Смирновой и Гоголя при выборѣ книгъ для чтенія, при чемъ Пушкинъ давалъ лучшихъ французскихъ, а Жуковскій—лучшихъ нѣмецкихъ авторовъ.

Въ гостяхъ у Смирновой, въ присутствіи Александра Тургенева, Хомякова, Соболевскаго, Крылова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Полетики, Вяземскаго, самого Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о русскихъ писателяхъ, упомянулъ и Жуковскаго, назвавъ его своимъ учителемъ. «Жуковскій что-то проворчалъ, а Тургеневъ сказалъ: Онъ такъ скромень, что покраснѣлъ... Пушкинъ! пощади его скромность. Всѣ засмѣялись».

Въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» находится такая замѣтка: «Вчера вечеромъ у Карамзиныхъ Орестъ и Пиладъ (Ж. и П.) болтали въ углу, а я училась у нихъ, записывала то, что они говорили. Они говорили о Лессингѣ, о Гете, о Шиллерѣ»...

Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ» находится сообщеніе о томъ, какъ Софи Карамзина, найдя Смирнову въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, въ шутку спросила «что это: заговоръ или вы втроемъ исповѣдуетесь». Пушкинъ отвѣтилъ: «Да. Я признаюсь въ моихъ большихъ грѣ-

хахъ, а Донна Соль (т. е. Смирнова)—въ своихъ маленькихъ. У нея ихъ больше; но мои грѣхи тяжелѣе, и это восстанавливаетъ равновѣсіе. Мы позвали Жуковскаго, у котораго нѣтъ никакихъ грѣховъ, ни большихъ, ни малыхъ, затѣмъ, чтобы онъ отпустилъ намъ наши грѣхи».

Тутъ же Смирнова сообщаетъ одну черту, мелкую, но весьма характерную для заботливости Жуковскаго о Пушкинѣ: Жуковскаго тревожили споры Пушкина съ цензоромъ, такъ какъ онъ любилъ своего феникса, какъ сына». Последняя мысль была высказана Смирновой Пушкину, и онъ добавилъ: «какъ блуднаго сына».

«Онъ вамъ совершенно преданъ, у него небесная душа, у этого Жуковскаго» сказалъ однажды А. О. Россетъ Пушкинѣ; а Россетъ добавила: «Да, хрустальная душа; онъ гораздо лучше меня». Пушкинѣ воскликнулъ: «А я-то, вы обо мнѣ забыли! Всякій разъ, какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ и спрашиваю себя: что сказалъ бы Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь». Замѣчательно, что подобное замѣчаніе встрѣчается и въ письмѣ Гоголя о Жуковскомъ, какъ нравственномъ коррективѣ.

Любопытно, что, по словамъ Смирновой, Пушкинѣ составилъ планъ воспитанія своихъ дѣтей, «одобренный Жуковскимъ», и въ этомъ семейномъ дѣлѣ онъ положился на педагогическій авторитетъ своего стараго друга.

«Жуковскій смотритъ на Пушкина съ нѣжностью; онъ наслаждается всѣмъ что говоритъ его фениксъ; есть что-то трогательное, отеческое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому—оттѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ. У него совсѣмъ другой тонъ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ, хотя онъ ихъ очень любитъ»...

При такой дружбѣ, Жуковскій дорожилъ хорошими отзывами о Пушкинѣ. Когда Смирновъ сказалъ, однажды, что у Пушкина, несмотря на увлеченія въ молодости, душа осталась чистой и совѣсть чуткой, «безупречный Жуковскій, по свидѣтельству Смирновой, всталъ и поцѣловалъ моего мужа, сказавъ: вы хорошо его понимаете; я васъ за это благодарю». «Онъ былъ растроганъ, этотъ добрый Жуковскій», добавляетъ Смирнова.

Когда Пушкинѣ прочелъ переложеніе молитвы Ефрема Сирина, которымъ, впрочемъ, самъ былъ недоволенъ, Жуковскій пришелъ въ восторгъ до такой степени, что поцѣловалъ Пушкина и сказалъ ему: «Ты, ты мое неоцѣненное сокровище!».

Но вотъ подходили послѣдніе дни жизни Пушкина, и Жуковскій съ тревогой слѣдилъ за его семейными неурядицами. По свидѣтельству

Смирновой, «Жуковскій былъ недоволенъ всѣми окружающими Пушкина, его семьей, отцомъ поэта, который гордился, но не понималъ сына, и братомъ его Львомъ, котораго считалъ недалекимъ мальчишкой, и сестрой Ольгой, и мужемъ ея Павлицевымъ, который «не могъ быть полезнымъ» поэту и въ особенности женой и ея родней, которые третировали Пушкина, какъ работника и чиновника, и требовали одного денежнаго прибытка и придворнаго карьеризма. Пушкина постоянно критиковали и осуждали съ узкой, базарной точки зрѣнія. Жуковскій все это видѣлъ, и все это его сильно огорчало и озабочивало ¹⁾).

Но вотъ произошла катастрофа. Умирая, Пушкинъ просилъ повидаться съ Жуковскимъ, и послѣдній не замедлилъ прибыть. Пушкинъ скончался на его рукахъ въ январѣ 1837 г. Жуковскій распорядился снять съ умершаго маску, своими руками положилъ его въ гробъ, принялъ на себя хлопоты о похоронахъ и написалъ прекрасную статью о послѣднихъ его минутахъ.

Въ 1839 г. Гоголь, послѣ встрѣчи съ Жуковскимъ въ Римѣ, писалъ, что первымъ словомъ ихъ при встрѣчѣ былъ Пушкинъ, и что Жуковскій еще весь полонъ Пушкинымъ ²⁾).

Въ 1845 г. Жуковскій, въ письмѣ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, мимоходомъ замѣтилъ: «Я отъ Государя принесъ умирающему Пушкину вѣсть о царской милости его семейству» ³⁾).

Такъ закончилась многолѣтняя свѣтлая дружба двухъ великихъ дѣятелей русской литературы. Какъ въ Германіи глубоко изучается дружба Гете и Шиллера, какъ здѣсь высоко цѣнится ихъ дружба, такъ среди русскаго образованнаго общества должна изучаться и цѣниться дружба Жуковскаго и Пушкина.

¹⁾ Смирнова, Записки, 57, 129, 138, 140, 154, 179, 219, 232, 245, 279, 307, 321, 339

²⁾ Гоголь, Письма, изд. Маркса, I, 555.

³⁾ Жуковскій, Сочин. VI, 486.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь.

Передъ нами два великихъ имени, два крупныхъ дѣятеля русской литературы и отечественнаго просвѣщенія—Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій. Жили они одновременно, сошли въ могилу въ одномъ и томъ же году, и, такъ сказать, первымъ вопросомъ должно стоять опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній; въ данномъ случаѣ такое опредѣленіе тѣмъ болѣе уместно, тѣмъ болѣе важно, что между ними царила самая тѣсная дружба и взаимное вліяніе ихъ имѣетъ огромное значеніе.

Жуковскій былъ по лѣтамъ старше Гоголя, обладалъ гораздо большими матеріальными средствами, былъ лучше образованъ, вращался въ кругу очень большихъ и сильныхъ людей, и въ добавокъ ко всему этому былъ чрезвычайно добръ и доступенъ. Все это въ совокупности дало большой перевѣсъ его личному вліянію и, главное, дало ему возможность оказать Гоголю неоцѣненные услуги личнаго и литературнаго характера. Въ общемъ дружба Жуковскаго и Гоголя представляетъ довольно любопытную страницу въ исторіи русской литературы.

Въ концѣ 1828 г. 19-ти лѣтній юноша Гоголь оставилъ Малороссію и переселился въ Петербургъ, съ розовыми надеждами, съ кучей рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но съ весьма малыми деньгами, малымъ запасомъ знаній и малой личной настойчивостью. Петербургъ сразу обдалъ его холодомъ. Съ первыхъ же шаговъ Гоголь терпитъ жестокія неудачи и испытываетъ сильное разочарованіе. Бросается онъ то на службу, то въ заграничное путешествіе; но вездѣ передъ нимъ стѣной становится матеріальная необезпеченность и разныя неудачи.

Сѣверная природа Петербурга была въ тягость Гоголю, привыкшему къ солнцу Малороссіи. Въ началѣ іюня 1830 г. онъ писалъ матери: «Воздуху здѣсь нѣтъ настоящаго деревенскаго; весны совсѣмъ нельзя замѣтить; самыя растенія утратили здѣсь свой запахъ, какъ пересаженныя насильственной рукой на неродную имъ почву. Все лѣто и весна продолжаются здѣсь только три мѣсяца; остальными девятью мѣсяцами управляютъ деспотически зима и осень».

Приходила Гоголю мысль о возвращеніи въ Малороссію, но планы и надежды на лучшее будущее удерживали его въ Петербургѣ. «Не смотря на мою охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, писалъ онъ матери въ томъ же 1830 г., я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку можно чего-нибудь достигнуть; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно дождаться своего».

А тутъ подоспѣли счастливыя новыя знакомства съ выдающимися людьми литературы и искусства. «Что это за люди! восклицаетъ Гоголь въ письмѣ къ матери 1830 г., не называя ихъ по именамъ. Не говоря объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки. Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники» ¹⁾.

Въ это время Гоголь завязываетъ знакомства съ Дельвигомъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, и, по словамъ его біографа Шенрока, «изъ душевнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства» ²⁾.

Настоящими духовными отцами Гоголя становятся Жуковскій и Пушкинъ, подъ защитой которыхъ геній Гоголя прокладываетъ путь къ славѣ и развертывается въ красотѣ и силѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

Въ 1830 и 1831 годы, т. е. первые годы знакомства Гоголя съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, и Жуковскій и Пушкинъ находились въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Литературный ихъ характеръ вполне выяснился. Слава была уже прочно завоевана. Современники, за исключеніемъ темной болгаринской клики, признали уже въ Жуковскомъ и Пушкинѣ выдающихся литературныхъ корифеевъ. У Жуковского къ литературной славѣ присоединялось еще крупное его придворное положеніе, какъ воспитателя Наслѣдника Цесаревича, какъ, человѣка, къ которому Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна относились съ большимъ личнымъ расположеніемъ. Поддержка со стороны Жуковского и Пушкина, по условіямъ того времени, имѣла огромное значеніе, нравственное и матеріальное.

Для оцѣнки отношеній Гоголя къ Жуковскому и Пушкину важное значеніе имѣютъ Записки Алекс. Осип. Россетъ-Смирновой, умной и образованной фрейлины Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Какъ бы ни было велико недовѣріе къ отдѣльнымъ фактамъ въ Запискахъ А. О. Смирновой, нельзя не признать, что въ нихъ много схвачено и передано вѣрно,

¹⁾ *Письма* Гоголя, изд. Маркса I, 152, 158, 159.

²⁾ Т. же, 114.

съ тонкой женской наблюдательностью, въ частности очень жизненно описано положеніе Гоголя въ кружкѣ Жуковскаго и Пушкина. «Я непремѣнно хочу видѣть этого упрямаго хохла, поговорить съ нимъ объ Украинѣ, обо всемъ, что мнѣ такъ дорого» — говоритъ Смирнова въ своемъ дневникѣ, и вскорѣ ея желаніе было исполнено ея литературными друзьями: Пушкинымъ, котораго она запросто величала Сверчкомъ и Искрой, и Жуковскимъ, для котораго у Смирновой было нѣсколько ласкательныхъ прозвищъ: Бычокъ, Sweet William. Вскорѣ Смирнова вноситъ въ свой дневникъ такую замѣтку: «Наконецъ-то, Сверчокъ и Бычокъ, мои два арзамасскіе звѣря, привели ко мнѣ Гоголя-Яновскаго. Я была въ восторгѣ отъ того, что могла говорить о Малороссіи, и, онъ также оживился... Я замѣтила, что достаточно Пушкину обратиться къ Гоголю, чтобы тотъ просіялъ... Сверчокъ очень добръ; онъ быстро приручилъ бѣднаго хохла — грустнаго, робкаго и упрямаго; онъ такъ же добръ, какъ Sweet William, милый мычащій Бычокъ... Жуковскій въ высшей степени добръ... Онъ въ восторгѣ отъ того, что ему удалось притащить упиравшагося хохла... Мы говорили о гнѣздахъ аистовъ на крышахъ Малороссіи, о чумакахъ, кобзаряхъ... Я обѣщала Пушкину бранить бѣднаго хохла, если онъ будетъ слишкомъ грустить въ сѣверной Пальмирѣ... Они (т. е. Жуковскій и Пушкинъ) такъ дразнили Гоголя за его дикость и застѣнчивость, что онъ, наконецъ, пересталъ стѣсняться и самъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ».

Въ другомъ мѣстѣ Смирнова говоритъ, что Сверчокъ приходилъ къ ней поговорить о Гоголѣ. Онъ провелъ у Гоголя нѣсколько часовъ, просматривалъ его тетради, его замѣтки и пораженъ его наблюдательностью ¹⁾.

Въ одномъ мѣстѣ Записокъ Смирновой ярко выражено покровительственное и учительное отношеніе Жуковскаго и Пушкина къ Гоголю. На обычномъ у Смирновой литературномъ собраніи «Гоголь слушалъ молча, время отъ времени запося слышанное въ карманную книжку. Жуковскій сказалъ ему: «Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ, и прекрасно дѣлаешь..., потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно... Онъ думалъ о столькихъ предметахъ и такъ свѣдушъ въ иностранной словесности». Далѣе Жуковскій спросилъ Гоголя, прочелъ ли онъ то, что ему совѣтовалъ Пушкинъ. Гоголь отвѣтилъ, что онъ, по указанію Пушкина, прочиталъ «Essais» Монтеня, «Мысли» Паскаля. «Персидскія письма» Монтескье, «Les Caractères» Ла-Брюйера, «Мысли» Вовенарга, басни Лафонтена. Кромѣ того, Пушкинъ еще рекомендовалъ Корнеля, Расина, Мольера, Сервантеса. «Затѣмъ, добавилъ Гоголь, я прочелъ нѣмецкія книги, что вы мнѣ дали, и переводы Шекспира». «Это похвально, право-

¹⁾ Смирнова, Записки I, 41-43.

учительно сказалъ ему Жуковскій, читай только то, что есть лучшаго въ нѣмецкой и англійской литературѣ. Что ты думаешь о Фаустѣ, о Вильгельмѣ Мейстерѣ?»

Гоголь. Я совершенно пораженъ геніемъ Гете. Шиллеръ, съ которымъ я довольно хорошо знакомъ, кажется мнѣ теперь совсѣмъ другимъ. Я началъ читать Гамбургскую Драматургію и прочелъ Натана Мудраго. Я сдѣлаю извлеченія изъ этихъ книгъ.

Жуковскій. Можешь оставить ихъ себѣ... Не благодари, потому что у меня ихъ нѣсколько изданій. Шиллеръ—великій поэтъ; но Гете и великій мыслитель...»¹⁾

Можетъ быть, діалоги эти переданы не совсѣмъ точно. Важно основное указаніе, что Жуковскій совмѣстно съ Пушкинымъ руководилъ самообразованіемъ Гоголя, что они рекомендовали ему, что читать, снабжали его книгами. Одновременно Жуковскій руководилъ чтеніемъ талантливой А. О. Смирновой.

Гоголь довѣрялся вполнѣ Жуковскому, а послѣдній платилъ ему живымъ сочувствіемъ, покровительствомъ и ходатайствами въ его пользу передъ высшей властью, вообще, самой широкой нравственной и матеріальной поддержкой.

Пушкинъ, Гоголь и Жуковскій тѣсно сошлись въ 1831 году. Гоголь, уже авторъ своего «поросенка», какъ онъ называлъ «Вечера на хуторѣ», жилъ лѣтомъ 1831 г. въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. «Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я», писалъ впослѣдствіи Гоголь. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этой высокой дружбы, въ восторгѣ отъ поворота Жуковского и Пушкина къ народной поэзіи. «Жуковского узнать нельзя, писалъ Гоголь. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій»²⁾.

Въ письмѣ къ Жуковскому 22 декабря 1847 г. Гоголь оставилъ такое воспоминаніе объ ихъ первой встрѣчѣ: «Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступившій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу, какъ теперь, всю до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!... Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство. Отъ чего? Отъ того, что оба чувствовали святыню искусства».

¹⁾ Смирнова, I, 137-139.

²⁾ Загаринъ. В. А. Жуковскій, 477.

Гоголь придавалъ огромное значеніе первой встрѣчѣ съ Жуковскимъ. Онъ приурочивалъ къ этому времени коренное измѣненіе въ направленіи своей творческой дѣятельности. «И едва ли не со времени этого перваго свиданія нашего, писалъ Гоголь Жуковскому въ 1847 г., искусство стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина и это словесное поприще есть тоже служба»¹⁾.

Такъ Гоголю казалось, и, говоря это, онъ былъ искрененъ для извѣстнаго момента, но были отступленія, были неудачныя попытки служебной дѣятельности, напр., его кратковременная профессура. Жуковскій былъ въ числѣ тѣхъ оптимистовъ, которые вѣрили въ научную пригодность Гоголя, которые хлопотали о прикрѣпленіи его къ университету. Извѣстно, что Жуковскій и Пушкинъ посѣтили, однажды, лекцію Гоголя, которую онъ приготовилъ старательно для этого частнаго посѣщенія, какъ поэтическое угощеніе знаменитымъ гостямъ, его доброжелателямъ.

Гоголь дѣлился съ Жуковскимъ литературными новостями, напр., русскимъ переводомъ малорусскихъ пѣсенъ, пушкинскими сказками. Въ 1831 г. онъ писалъ Жуковскому: «Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ»²⁾.

Жуковскій просилъ своего пріятеля Плетнева оказать Гоголю поддержку, и Плетневъ въ 1831 г. пристроилъ Гоголя учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ Плетневъ былъ инспекторомъ, и, кромѣ того, доставилъ ему частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабановыхъ, Васильчиковыхъ. Но Гоголь неохотно исполнялъ служебныя обязанности, часто бралъ отпуски, и учебное начальство нашло нужнымъ, въ интересахъ учрежденія, пригласить другого преподавателя. 15-го іюля 1835 г. Гоголь писалъ Жуковскому изъ Полтавы: «Вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься; я привыкъ считать чѣмъ то роднымъ и близкимъ». Гоголь просить Жуковскаго устроить такъ, чтобы Императрица не утвердила новаго учителя, и мѣсто осталось за нимъ, Гоголемъ³⁾.

1) *И. Бычковъ*, «Неизд. письма Гоголя и Жук.» въ Русск. Вѣстн. 1838. XI 64.

2) *Русск. Арх.* 1871, 947.

3) *Писемъ*, въ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона 17, стр. 19; *Рус. Арх.* 1871, 949.

Жуковский и Пушкинъ принимали близкое участіе во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Гоголя, то въ формѣ предложенія темы, то въ формѣ обсужденія деталей, то въ формѣ обузданія цензуры.

Въ 1831 и 1832 годахъ вышли знаменитые, положившіе прочное основаніе для славы Гоголя «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» подъ псевдонимомъ пасѣчника Рудого Панька. Въ запискахъ Смирновой сохранилось любопытное извѣстіе, что Жуковский и его друзья принимали живое участіе въ обсужденіи самаго псевдонима. Плетневъ находилъ, что «Рудый Панько» звучитъ хорошо и что это вполне «хохлацкое имя». А. О. Россетъ-Смирнова находила, что и Гоголь-Яновскій достаточно «хохлацкое имя» и въ псевдонимѣ нѣтъ надобности. Жуковский держался того мнѣнія, что Гоголю удобнѣе выступить подъ псевдонимомъ, потому что, говорилъ онъ,— авторъ молодъ, а наша критика возмутительно относится къ начинающимъ, и болгаринская клика будетъ извергать свой ядъ. Лучше избѣжать того, что можетъ обезкуражить начинающаго автора ¹⁾. Замѣчательная предупредительность и чисто отеческая, гуманная заботливость о поддержаніи молодого дарованія! Мнѣніе Жуковского взяло верхъ. Другой покровитель и другъ Гоголя—Пушкинъ, судя по словамъ Смирновой, заранѣе подготовилъ статью въ защиту Гоголя, на случай рѣзкой критики. «Если Булгаринъ позволитъ себѣ что нибудь, возраженія Пушкина будутъ полны не только соли, но и перцу»... Смирнова тутъ же замѣчаетъ, что она какъ то видѣла Булгарина, что, у него «препротивная фізіономія» ²⁾.

Въ 1836 г. на сцѣнѣ появился «Ревизоръ». Жуковский и Пушкинъ были литературными воспріемниками этого славнаго въ лѣтописяхъ русскаго театра произведенія. Они привлекли къ нему вниманіе и сочувствіе Государя. Они поддерживали самолюбиваго автора въ горькія минуты сомнѣній и огорченій. На первомъ представленіи «Ревизора» Гоголь сидѣлъ въ ложѣ съ гр. Віельгорскимъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ. Благодаря ходатайству Жуковского и Віельгорскаго, рукопись «Ревизора» была прочитана Императору Николаю Павловичу и получено Высочайшее разрѣшеніе на изданіе и представленіе комедіи. По словамъ очевидца барона Розена, «на блистательныхъ литературныхъ вечерахъ Жуковского (по субботамъ) Гоголь частенько читалъ свою комедію «Ревизоръ» въ кругу имѣнитѣйшихъ литераторовъ и почетнѣйшихъ, образованнѣйшихъ особъ... ³⁾ Гоголь, зная наизусть свою комедію, не всегда глядѣлъ въ

¹⁾ Смирнова, I, 177.

²⁾ Ibid., 178.

³⁾ Есть картина, изображающая Гоголя и др. извѣстныхъ литераторовъ на литературномъ вечерѣ Жуковского.

рукопись, и часто прогуливался гениальнымъ взглядомъ по рядамъ дышащихъ живѣйшимъ участіемъ слушателей... Весь блистательный соборъ слушателей расходился перекатнымъ смѣхомъ»... Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ «Ревизора». Молчалъ и хмурился лишь одинъ завистливый и недоброжелательный баронъ Розень. Жуковскій наблюдалъ за своими гостями. Онъ однажды наединѣ сказалъ барону Розену, что Гоголь замѣтилъ сдержанное его отношеніе, выразившееся въ отсутствіи одобреній или порицаній ¹⁾).

«Ревизоръ» вызвалъ въ публикѣ чрезвычайно разнообразныя сужденія. Небольшая группа передовой интеллигенціи, имѣя во главѣ Жуковского, Пушкина и Бѣлинскаго, была въ восторгѣ. Большинство, сѣрое большинство, было недовольно, что уже обнаружилось на первомъ представленіи знаменитой комедіи. Одинъ изъ современниковъ прямо говорилъ, что не могъ же въ самомъ дѣлѣ вызвать сочувствіе спектакль, осмѣивающій взяточничество, въ такомъ зрительномъ залѣ, гдѣ половина публики была дающей, а другая половина берущей. Въ одной газетѣ писали: «Имена дѣйствующихъ лицъ изъ «Ревизора» обратились на другой день въ собственныя названія: Хлестаковы, городничіе, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Чацкимъ. Посмотрите: они, эти господа и госпожи гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу. Вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, навѣрно одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя» ²⁾).

«Мочи нѣтъ, писалъ Гоголь Щепкину 29 апр. 1836 г. Дѣлайте, что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу. На четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя ни за что не была бы на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій признакъ истины, и противъ тебя возстають, и не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія» ³⁾).

Г. Шенрокъ отъѣздъ Гоголя за границу въ половинѣ 1836 г. ставитъ въ самую тѣсную связь и прямую зависимость отъ служебныхъ

¹⁾ Алферовъ, Особенности творч. Гоголя, 27.

²⁾ Смирнова, Записки 1, 313—316.

³⁾ Письма Гоголя въ изд. Маркса 1, 368.

неудачь и литературныхъ огорченій. «Лишившись кафедры въ университетѣ и учительскаго мѣста въ Патріотическомъ институтѣ и измученный неистовыми воплями негодованія, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ слояхъ общества появленіемъ на сценѣ «Ревизора», Гоголь двинулся въ сообществѣ своего неразлучнаго друга Данилевскаго за границу. Оба свободные, оба молодые и жадно стремящіеся окунуться въ столь заманчивый и еще незнакомый имъ западно-европейскій міръ, они весело бросились навстрѣчу привѣтливой будущности ¹⁾).

Можно думать, что поѣздка Гоголя за границу обусловлена была многими причинами. При всемъ своемъ недовольствѣ обществомъ, Гоголь мотивировалъ иначе свой отъѣздъ. Въ письмѣ къ Погодину въ маѣ 1836 г. онъ говоритъ: «Ѣду за границу; тамъ размыкаю ту тоску, которую нагоняють мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современнѣй, писатель комическѣй, писатель нравовъ долженъ быть подальше отъ родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ... Я не смущаюсь, но какъ то тягостно, грустно... Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты»! Но Богъ съ ними! Я не оттого Ѣду за границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ обдумать хорошенько труды будущіе ²⁾).

Къ неудовольствіямъ на общество и къ заботамъ о здоровьѣ нужно присоединить еще прямыя совѣты и указанія Жуковскаго, Пушкина и ихъ друзей. Заграничная поѣздка Гоголя входила въ ихъ цѣли для расширенія его образованія. Пушкину самому очень хотѣлось побывать за границей, но его не пускали. Жуковскій уже бывалъ въ западныхъ странахъ и сильно тяготѣлъ къ западной культурѣ. И Гоголю хотѣлось отвѣдать этого міра; друзья его поддержали, направили, указали маршруты, снабдили рекомендательными письмами, общали матеріальную поддержку. Гоголь какъ-то читалъ у Россетъ-Смирновой Тараса Бульбу. По окончаніи чтенія, Пушкинъ поцѣловалъ его и сказалъ: «Пиши, пиши, думай, работай... Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Западъ создалъ въ мірѣ искусства»... Въ другомъ мѣстѣ Смирнова говоритъ прямо: «обсуждали планы хохла» и далѣе подробно излагается тотъ маршрутъ, который мужъ ея, Смирновъ, въ присутствіи Пушкина начерталъ относительно Италіи, которую Смирновъ зналъ хорошо. Смирновъ общалъ рекомендательныя письма къ Бутурлинымъ, Воронцовымъ, Орловымъ, Пушкинъ къ Зинаидѣ Волконской и т. д. Предполагалось, что

¹⁾ Шенрокъ, Матеріалы III, 114.

²⁾ Гоголь, Письма изд. Маркса, I, 370.

Гоголь основательно ознакомится со страной и художниками, съ профессорами академій Флоренціи и Рима ¹⁾).

Г. Шенрокъ осторожно говорить, что во время своего перваго заграничнаго путешествія, Гоголь, переносясь безпрестанно съ мѣста на мѣсто, слишкомъ мало заботился о подробностяхъ будущаго устройства своей жизни, хотя въ главныхъ своихъ потребностяхъ ему удалось, благодаря содѣйствію Жуковскаго, обезпечить себя еще до выѣзда изъ Петербурга. Въ письмѣ къ Жуковскому, написанному вскорѣ послѣ отъѣзда за границу, Гоголь говорить: «не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу» ²⁾. Гоголь просилъ Прокоповича передать Плетневу, что «деньги получены съ невѣроятной исправностью». Должно быть, и тутъ дѣйствовало бдительное око Жуковскаго.

Гоголь выѣхалъ за границу въ іюнѣ моремъ на Гамбургъ. Пробывъ немного времени въ Баденъ-Баденѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, онъ поселился въ Швейцаріи въ Веве, гдѣ ранѣе уже бывалъ Жуковскій. «Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, писалъ Гоголь къ Жуковскому 12 ноября 1836 г., потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ, нацарапалъ даже свое имя русскими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ... Внизу послѣдней колонны когданибудь русскій путешественникъ разберетъ мое птичье имя»... Въ это время Гоголь усердно работалъ надъ «Мертвыми душами», начатыми въ Петербургѣ. Въ томъ же письмѣ онъ говорить: «все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись. Швейцарія сдѣлалась мнѣ съ тѣхъ поръ лучше: сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ. Это будетъ первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ для меня было достаточно, чтобы усладить мой одинокій день». Вскорѣ въ Веве наступили холода. Гоголь захандрилъ и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ, по его словамъ, «Богъ простеръ надъ нимъ свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ ему теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой». «Снова веселье писалъ согрѣвшійся Гоголь Жуковскому. «Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто

¹⁾ Смирнова, I, 237, 318—319.

²⁾ Шенрокъ, III, 126.

я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы — словомъ, вся православная Русь... Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его... Кто то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки... съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни»... Въ концѣ письма Гоголь проситъ Жуковскаго и Пушкина сообщать ему какіе-нибудь казусы, могущіе случиться при покункѣ мертвыхъ душъ. «Хотѣлось бы мнѣ страшно, добавляетъ онъ, вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ»¹⁾.

Въ 1837 г. Гоголь писалъ Жуковскому: «Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей; но изліяніе ея не достигнетъ къ Его Престолу... Но до васъ можетъ достигнуть моя благодарность. Вы, все вы, Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною!».

Въ это время Гоголь усиленно работалъ надъ «Мертвыми душами»: въ Швейцаріи, въ Парижѣ, въ Италіи вездѣ настойчиво обдумывалъ и обрабатывалъ это капитальное произведеніе. «Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой, писалъ онъ Жуковскому изъ Рима въ 1837 г. Жизни, жизни, еще бы жизни! Я ничего еще не сдѣлалъ, чтобы было достойно вашего трогательнаго расположенія. Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. По крайней мѣрѣ, мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ, оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу»²⁾.

Наканунѣ новаго 1839 года Гоголь писалъ изъ Рима Данилевскому, что туда приѣхалъ Жуковскій: «Онъ все также бодръ, также любить меня». Между двумя поэтами еще стояла дружественная тѣнь Пушкина. «Онъ весь полонъ Пушкинымъ», добавляетъ Гоголь о Жуковскомъ.

Въ письмѣ къ кн. Репниной, написанномъ вскорѣ по приѣздѣ Жуковскаго въ Римъ, Гоголь говоритъ: «Я теперь такъ счастливъ приѣздомъ Жуковскаго, что это оно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, былъ Пушкинъ. Понинѣ чело его облекается грустью при мысли объ этой утратѣ. Мы почти весь день осматривали Римъ съ утра до ночи». Г. Шенрокъ отмѣтилъ, что «письма Гоголя къ Жуковскому послѣ ихъ встрѣчи въ Римѣ носятъ явные слѣды происшедшаго болѣе тѣснаго сближенія между ни-

¹⁾ Гоголь. Письма, изд. Маркса I, 413—417.

²⁾ Русск. Арх. 1871, 957, 959.

ми... Жуковскій съ Гоголемъ дѣлилъ отъ души самыя высокія наслажденія прекраснымъ въ продолженіе всего его пребыванія въ Римѣ ¹⁾).

Гоголь и Жуковскій осматривали вмѣстѣ вѣчный городъ, вмѣстѣ рисовали лучшіе его виды. Мѣсяць съ небольшимъ пролетѣлъ незамѣтно. Жуковскій уѣхалъ въ Германію; Гоголь остался въ Римѣ. «Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, вспоминалъ онъ о Жуковскомъ какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику» ²⁾).

Въ февралѣ 1839 г. Гоголь былъ еще полонъ воспоминаніями о пребываніи Жуковскаго въ Римѣ. Въ веселомъ весеннемъ настроеніи Гоголь писалъ Жуковскому: «Чудное время! Слышите ли и видите ли эти божественныя дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть, вы тогда не захотѣли бы выѣхать изъ Рима... Теперь жаль на минуту оставить Римъ: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованія. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобы сказать слово вамъ и, оборотившись, вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ...» ³⁾.

При нѣкоторыхъ преувелеченіяхъ, обычныхъ у Гоголя, какъ чело-вѣка гиперболическаго настроенія, въ словахъ его нельзя не признать искренняго выраженія его привязанности къ Жуковскому.

Въ апрѣлѣ 1839 г. Гоголь обратился изъ Рима къ Жуковскому съ просьбой хлопотать для него пенсіонъ. «Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ днемъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ... Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами и больше ни копѣйки; впереди не вижу никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатый большой трудъ (Мертвыя души), который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе...» «Вы одни въ мірѣ, котораго интересуеть моя участь. Вы сдѣлаете все то, что только въ предѣлахъ возможности... Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать... Если бы мнѣ такой пенсіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви»...

¹⁾ Шенрокъ, III, 268.

²⁾ Загаринъ, 478.

³⁾ Русск. Арх. 1871, 0931.

Жуковскій не рѣшился хлопотать, въ виду того, что Императрица была больна. Вскорѣ въ концѣ 1839 г. Гоголь пріѣхалъ въ Россію и изъ Москвы послалъ Жуковскому въ Петербургъ просьбу такого рода: «Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе, составьте сумму въ 4000 руб. и дайте мнѣ займы на годъ» ¹⁾. Просьба эта была удовлетворена. Гоголь получилъ отъ Жуковскаго 4000 р. «Что я могу написать вамъ, говорить Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому по этому поводу, только благодарить васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе». Далѣе онъ высказываетъ надежду снова уѣхать въ излюбленный Римъ.

Въ 1839 г. идутъ просьбы Гоголя о томъ, чтобы сестры его были обезпечены, въ 1840 и 1841 г. просьбы объ опредѣленіи его на службу въ Римъ ²⁾.

Въ письмѣ къ художнику А. Иванову 16 мая 1842 г. Гоголь, совѣтуя написать вторично просьбу къ Жуковскому, для возбужденія ходатайства о продленіи пенсіи, говоритъ, что «Жуковскому никогда нельзя наскучить въ справедливомъ дѣлѣ» ³⁾. И нужно сознаться, что самъ Гоголь часто обращался съ личными просьбами къ Жуковскому и др. лицамъ, напримѣръ, въ письмахъ къ Плетневу 1842 г., гдѣ онъ настойчиво напоминаетъ, чтобы его «не исключили изъ круга писателей, которымъ изъясняется царская милость за поднесенные экземпляры». Любопытно при этомъ замѣчаніе: «когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало» ⁴⁾. Въ письмѣ къ Шевыреву 1843 г. Гоголь, по поводу выхода «Мертвыхъ Душъ», между прочимъ, писалъ: «Изъ Петербурга я не получалъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ прежде, когда былъ тамъ Жуковскій». Въ томъ же письмѣ Гоголь разъясняетъ, что ему для проживанія за границей, по самой, какъ онъ выражается, «строгой смѣтѣ», нужно «по 6 тысячъ рублей въ продолженіе трехъ лѣтъ на всякій годъ», и что тогда «благодарность его будетъ такъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего» ⁵⁾. Къ Жуковскому, проживавшему за границей, также шли просьбы Гоголя, то за себя, то за Иванова, просьбы столь частыя и настойчивыя, что Жуковскій, при всемъ его благодушіи, обнаружилъ недовольство и долгое время не отвѣчалъ Гоголю, такъ что послѣдній въ письмѣ 1842 г. даже спрашивалъ его:

¹⁾ *Русск. Арх.* 1871, 0941.

²⁾ *Шенрокъ*, III, 300—310.

³⁾ *Письма Гоголя*. Изд. 1902, II, 172.

⁴⁾ *Ibid.* II, 231.

⁵⁾ *Гоголь*, Письма, изд. Маркса II, 268, 267.

«Или вы разлюбили меня?», а въ письмѣ того же 1842 г. у Жуковскаго, вмѣсто обычнаго дружескаго обращенія: «Гоголекъ», находится церемонное и оффиціальное обращеніе «Николай Васильевичъ». Гоголь почувствовалъ холодъ и укоръ и въ письмѣ 1843 г. заявилъ, что пріѣдетъ къ Жуковскому для личнаго свиданія, не спрашивая, желательно или нежелательно Жуковскому «видѣть его фізіономію».

Но добродушный Жуковскій не могъ долго сердиться. Онъ принялъ Гоголя съ искреннимъ радушіемъ и неизмѣнно поддерживалъ ласковыя отношенія. Гоголь въ 1843 гостилъ у Жуковскаго въ Дюссельдорфѣ. Здѣсь онъ, какъ писалъ Плетневу, «воспринималъ отъ купели «Матео Фильконе» и торопилъ къ появленію въ свѣтъ». Въ 1844 г. Гоголь переѣхалъ съ Жуковскимъ во Франкфуртъ. Въ письмѣ къ Языкову изъ Франкфурта 1844 г. Гоголь говоритъ, что онъ «подзадорилъ Жуковскаго, и онъ въ три дня съ небольшимъ хвостикомъ четвертаго отмахнулъ славную вещь» («Двѣ повѣсти» изъ Шамиссо и Рюккерта написаны для «Москвитянина») ¹⁾.

Въ 1841 г. Гоголь, привлекая Жуковскаго къ ходатайству въ пользу извѣстнаго художника А. Иванова, писалъ, что «помочь таланту значить помочь не одному ближнему, но двадцати ближнимъ вдругъ». Слова эти примѣнимы къ самому Гоголю. Ему нужно было помочь, и учетъ помощи тутъ нельзя произвести съ математической аккуратностью. Лично Гоголь тяготился своими долгами. «Если бъ вы знали, писалъ онъ Жуковскому 3 мая 1840 г., какъ мучается моя бѣдная совѣсть, что существованіе мое повисло на плечи великодушныхъ друзей моихъ» ²⁾. Онъ уплачивалъ долги по частямъ; но, важнѣе, что онъ съ лихвой покрылъ свои долги своимъ гениемъ, опѣнка котораго стоитъ и нынѣ выше матеріальныхъ соображеній.

Въ началѣ 40-хъ годовъ усиливается крайнее самомнѣніе Гоголя наряду съ частыми перемежающимися пароксизмами искусственнаго самоуниженія, покаянія и самобичеванія. Въ іюнѣ 1842 г. Гоголь писалъ Жуковскому изъ Берлина: «Съ каждымъ днемъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей. Не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра: въ нихъ незримо совершалось воспитаніе души моей. Скажу только, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣе льются душевныя слезы мои и что живетъ въ душѣ моей глубокая, нестразимая вѣра, что небесная сила поможетъ мнѣ взойти на ту лѣстницу, которая предстоить мнѣ, хотя я стою еще

¹⁾ Гоголь, Письма, изд. Маркса II 346, 585.

²⁾ Шенрокъ, III, 309, Письма Гоголя, II, 119.

на низайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горнаго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я прійду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится задача моего существованія» ¹⁾.

Болѣзни со всѣхъ сторонъ обступили бѣднаго Гоголя, вопреки тому, что онъ говорилъ о свѣтѣ и торжественности своей души. Въ 1845 г. Гоголь, замѣтивъ, что Жуковскій началъ за него беспокоиться и побаиваться, сталъ иногда скрывать отъ него состояніе своей болѣзни; но прозорливый въ этомъ отношеніи Жуковскій видѣлъ хорошо плохое состояніе его здоровья. «Здоровье Гоголя требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, писалъ Жуковскій къ Смирновой въ 1845 г. Ему надо имъ заняться исключительно, бросивъ на время перо» ²⁾.

Въ концѣ 1846 г. скончался другъ Гоголя и Жуковскаго поэтъ Языковъ, и больной уже въ то время Гоголь писалъ Жуковскому, что «небесная родина наполняется близкими сердцу». «Братъ мой прекрасный, отнынѣ мы должны быть еще ближе другъ къ другу» ³⁾.

Гоголь и Жуковскій нѣсколько разъ сѣзжались вмѣстѣ и проводили время въ дружеской бесѣдѣ. Такъ было во Франкфургѣ, въ Римѣ, въ Эмсѣ. Лѣтомъ 1847 г. Жуковскій жилъ въ Эмсѣ въ одномъ домѣ съ Хомяковымъ, котораго называлъ «поэтической библіотекой, добродушнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ». Когда къ нимъ на короткое время присоединился еще Гоголь, Жуковскій писалъ: «мы на досугѣ триумвиратствуемъ».

На почвѣ физическаго и нравственнаго упадка выросла въ 1847 г. «Переписка» Гоголя. Книга это произвела тяжелое впечатлѣніе даже на близкихъ друзей Жуковскаго. Крайне непріятное впечатлѣніе произвелъ общій учительскій тонъ, искусственное смиреніе, скрытое самомнѣніе. Бѣлпнскій написалъ громкое письмо. Аксаковы (С. Т. и Конст. Серг.), Погодинъ, архіеп. Харьковскій Иннокентій были недовольны и осуждали книгу съ разныхъ точекъ зрѣнія. Даже Жуковскій отнесся съ порицаніемъ къ нѣкоторымъ статьямъ въ «Перепискѣ» ⁴⁾.

Суровые и, главное, справедливые и основательные отзывы о «Перепискѣ» людей, которыхъ Гоголь не могъ не уважать, какъ, напримѣръ С. Т. Аксакова, глубоко задѣли самолюбіе Гоголя. Онъ пробовалъ оправдываться, какъ показываетъ его письмо къ Аксакову отъ 28 августа

¹⁾ Письма Гоголя, изд. Маркса, 1902, II, 184.

²⁾ Гоголь, Письма, изд. Маркса, III, 35, 37, 96.

³⁾ Ibid, 335.

⁴⁾ Литература очень обширна. См. Гоголь, Письма, изд. Маркса IV, Бычковъ, «Русск. Вѣстн.», 1888, XI, Матвѣевъ, Гоголь; Пытинъ, Ист. рус. лит., IV.

1847 г. ¹⁾, гдѣ онъ признаетъ, однако, свое сочиненіе «неподѣланнымъ», но передъ Жуковскимъ Гоголь не могъ лицемѣрить; въ трехъ замѣчательныхъ письмахъ къ нему отъ 4 марта, 6 марта и 22 декабря Гоголь окончательно сознается въ недостаткахъ «Переписки».

4 марта Гоголь писалъ: «Мнѣ случилось получить много поражений... и какъ все это нужно было. Я и подумать еще не могъ, какъ много во мнѣ еще осталось гордости, самонадѣянности, самолюбія, самоцѣдменности (sic) и высокомерія... Мнѣ кажется, какъ будто послѣ всего этого я сталъ теперь проще и какъ будто ровнѣе; сужу потому, что мнѣ теперь тяжело взглянуть на мою книгу; мнѣ кажется въ ней все такъ напыщенно, неумѣренно, невоздержно, что отъ стыда закрываю лицо. О какъ мнѣ трудно управляться въ моемъ душевномъ хозяйствѣ. Имѣнье дано въ управленіе большое, а самъ управитель слишкомъ плохъ и слишкомъ ненаученъ, какъ привести имѣніе въ стройность. Какъ мнѣ трудно достигнуть той простоты, которая уже при самомъ рожденіи влагается другому въ душу ²⁾).

Въ письмѣ, написанномъ черезъ два дня, Гоголь еще съ большей откровенностью сообщаетъ Жуковскому, что онъ точно «проснулся» и чувствуетъ себя «какъ провинившійся школьникъ». «Я размахнулся въ моей книгѣ, говоритъ Гоголь, такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Стыдно, что возмнилъ о себѣ, будто мое школьное воспитаніе уже кончилось и могу я стать наравнѣ съ тобою. Право, есть во мнѣ что то хлестаковское. А ты кротко, безъ негодованія, подаешь мнѣ братскую руку свою»... ³⁾).

Въ письмѣ 22 декабря находится замѣчательное по основательности замѣчаніе Гоголя: «Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ переступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того ужъ поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни» ⁴⁾).

С. Т. Аксаковъ обвинялъ Жуковского, что онъ допустилъ изданіе «Переписки» Гоголя, — такъ въ обществѣ сильна была вѣра въ всемогущее вліяніе Жуковского на Гоголя. Когда Аксаковъ предложилъ Плетневу, завѣдывавшему изданіемъ книги, прекратить ея печатаніе,

¹⁾ Соч. и письма Гоголя, въ изд. Кулиша, VI, 418.

²⁾ Шлякинъ, въ Рус. Стар. 1896. IX, 213.

³⁾ Кулишъ, Сочин. и письма Гоголя, XI, 350.

⁴⁾ Бычковъ, въ «Русск. Вѣстн.» 1888 XI, 66. Письма Гоголя въ изд. Маркса IV, 139.

Плетневъ не согласился, сославшись на то, что «Жуковскій одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя». Въ своемъ суровомъ письмѣ къ Гоголю, Аксаковъ, намекая, очевидно, на Жуковскаго, писалъ: «Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогали вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе» 1).

Жуковскій не былъ повиненъ въ появленіи «Переписки» Гоголя, и указаніе Плетнева, что «всѣ намѣренія Гоголя были одобрены Жуковскимъ», не вполне основательно. Хотя Гоголь и прочелъ часть своей книги Жуковскому до изданія ея въ печати, между прочимъ, завѣщаніе и предисловіе къ перепискѣ, по Жуковскій, повидимому, не предполагалъ, что все прочитанное ему появится въ печати и вызоветъ почти всеобщее осужденіе. Въ письмѣ къ Гоголю отъ 12 марта 1847 г. Жуковскій говоритъ: «тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое завѣщаніе и многое переправить въ твоёмъ предисловіи» 2).

Чтобы поддержать пріунывшаго друга и внести нѣкоторыя поправки въ его неудачную «Переписку», Жуковскій въ «Москвитянинѣ» 1848 г. помѣстилъ большую статью «О поэтѣ и современномъ его значеніи». Статья появилась въ то время, когда Гоголь былъ въ Палестинѣ. Ознакомившись съ нею, по возвращеніи въ Россію, Гоголь въ іюнь 1848 г. писалъ Жуковскому, что статья написана «очень дѣльно, многимъ понравилась и его освѣжила».

Кромѣ того, Жуковскій предполагалъ еще издать свои замѣчанія по поводу «Переписки» особой статьёй подъ заглавіемъ «Отрывки изъ писемъ къ Гоголю, писанныхъ къ нему о его книгѣ» 3).

Въ 1849 г. Жуковскій просилъ Гоголя, предпринимающаго путешествіе въ Палестину, дать ему описаніе страны, со всѣми ея мѣстными красками, въ такомъ видѣ, чтобы оно могло послужить для «Агасфера». Гоголь отчасти выполнилъ эту просьбу въ письмѣ отъ 28-го февраля 1850 г., гдѣ набросана яркая картина «безглагольной, недвижимой, Богомъ проклятой мертвой страны».

Наступилъ послѣдній годъ въ жизни Гоголя и Жуковскаго. Гоголь въ краткомъ письмѣ поздравилъ Жуковскаго съ наступающимъ 1852 г.

1) Шлякинъ, въ «Рус. Стар.» 1895, IX, 215.

2) И. Бычковъ, въ «Русск. Вѣст.» 1888, XI, 62.

3) Ibid., 70.

Послѣднее письмо Гоголя къ Жуковскому 2-го февраля 1852 года; написано оно недѣли за двѣ съ небольшимъ до кончины, и это письмо благодарственное: «Много благодарю за книги и за доброе письмо». Далѣе Гоголь говоритъ, что молится за Жуковскаго, и добавляетъ: «горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я мно.о, много долженъ».

Далѣе Гоголь сердечно соболѣзнуеть о слѣпотѣ Жуковскаго и препровождаетъ ему медицинскій рецептъ одного народнаго средства. Письмо кончается словами: «Будь здоровъ и Богъ тебѣ въ помощь, милый близкій душѣ братъ!».

Черезъ 19 дней 21-го февраля 1852 г. Гоголь скончался, къ великому огорченію его стараго друга. Въ письмѣ къ Шетневу отъ 5-го марта 1852 года Жуковскій говоритъ: «Недавно я получилъ письмо отъ Гоголя и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ (Агасферъ), занимаясь которой, я особенно думалъ о Гоголѣ... Я жалю его несказанно... Я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатичныхъ участниковъ моей поэтической жизни, и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ 4 лицъ, изъ 2 мужскаго пола и изъ 2 женскаго; къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій къ послѣдней двѣ старушки—Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь» ¹⁾.

Такъ горевалъ Жуковскій о своемъ другѣ, а смерть незамѣтно подступала къ нему самому. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ, 12-го апрѣля 1852 г. Жуковскій скончался на 69 г. жизни.

Гоголь похороненъ въ Москвѣ, Жуковскій—въ Петербургѣ. Смерть и пространство раздѣлили друзей навсегда; но исторія навсегда соединила ихъ неразрывными узами литературной дружбы и высокихъ національныхъ заслугъ.

---

¹⁾ Загаринъ, 580.

В. А. Жуковский и Г. О. Квитка.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя съ столь широкими и разнообразными связями и отношеніями, какъ В. А. Жуковский. Кругъ его знакомствъ былъ чрезвычайно великъ, и вездѣ Жуковский выступалъ другомъ, наставникомъ, съ добрымъ совѣтомъ, всегда готовымъ къ матеріальной поддержкѣ и къ покровительству. Добрыя дѣла Жуковского, можно сказать, безчисленны. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Жуковский представлялъ въ своемъ лицѣ цѣлое общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ, при чемъ помощь эта выражалась въ дѣятельности Жуковского такъ полно, такъ разносторонне и такъ деликатно, какъ она никогда не выражалась и не можетъ выразиться ни въ одномъ обществѣ, потому что для такой полноты и деликатности необходимо одно большое любящее сердце, только одна, но очень большая и въ высшей степени благородная душа. Жуковский былъ именно такимъ рѣдкимъ человѣкомъ очень большой души. Высокое служебное, общественное и литературное положеніе облегчало ему дѣятельность въ пользу современныхъ ему писателей. Это былъ свѣтильникъ, горѣ стоящій, и лучи отъ него шли по всей Россіи и проникали въ Малороссію. Тепло отъ нихъ чувствовалось и въ Харьковѣ.

Сентиментально-романтическое направленіе Жуковского было сродни малорусскимъ писателямъ его времени. Квитка, Шевченко, Гребенка, Щоголевъ самостоятельно склонялись въ ту же сторону мечтательнаго романтизма, и народная малорусская поэзія несла нѣкоторые сходныя настроенія. На почвѣ такого общаго романтическаго настроенія, малорусскіе литературные дѣятели охотно склоняли свой слухъ къ внушеніямъ мечтательной музыки Жуковского. Въ повѣстяхъ Квитки и въ стихотвореніяхъ Шевченка и Щоголева кое-гдѣ проскальзываютъ романтическія ноты Жуковского; но не въ литературной области лежатъ главныя заслуги Жуковского. Гораздо важнѣе и плодотворнѣе были его личныя отношенія къ корифеямъ украинской литературы—Квиткѣ и Шевченку, отношенія въ высшей степени благожелательныя. Обоимъ малорусскимъ писателямъ Жуковский оказалъ великія услуги; къ обоимъ онъ сумѣлъ во время прійти на помощь и поддержать ихъ въ трудные моменты ихъ жизни.

Проф. Н. И. Петровъ говоритъ, что «Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами» ¹⁾. Еще важнѣе, что Жуковскій ободрялъ скромнаго и робкаго провинціального писателя, котораго съ одной стороны порицали за его русскія повѣсти, въ которыхъ усматривали только «дрянной губернской ядь», съ другой порицали за его малорусскія повѣсти, которыя высококомѣрно называли лакейскими.

Скромный Квитка, затронувъ въ своихъ русскихъ повѣстяхъ общественные недостатки, вызвалъ противъ себя неудовольствіе со стороны темныхъ силъ. «За повѣсть «Дворянскіе выборы», писалъ онъ Плетневу въ 1839 году, теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ». Но тутъ подоспѣла поддержка Жуковскаго: «Въ ту пору проѣзжалъ Жуковскій, сообщалъ Квитка Плетневу. Наговорилъ много лестнаго... совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ... Василій Андреевичъ обнадежилъ меня», замѣчаетъ далѣе Квитка ²⁾. Результатомъ совѣтовъ Жуковскаго явились два правоописанныхъ романа Квитки — «Панъ Халявскій» и «Жизнь Столбикова (Пустолобова)».

Въ маѣ 1839 года Квитка писалъ Плетневу «Въ Отечественныхъ Запискахъ явится скоро Панъ Халявскій... Онъ начатъ по препорученію Василія Андреевича, переданному мнѣ черезъ здѣшняго чиновника графа Панина, чтобы описать старинный бытъ малороссіянь, родъ ихъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго»...

Въ іюнѣ того же 1839 г. Квитка спрашивалъ Плетнева, удобно ли будетъ посвятить Жуковскому «Жизнь Столбикова». «Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное».

Квитка познакомился лично съ Жуковскимъ во время, пребыванія въ Харьковѣ въ 1837 г. Жуковскій, проѣздомъ черезъ Харьковъ, разыскалъ украинскаго писателя, обласкалъ его, вошелъ въ его литературные интересы и вызвался быть его посредникомъ въ сношеніяхъ съ редакціей «Современника». Обласканный и ободренный Квитка тогда же передалъ ему переложенія на русскій языкъ «Маруси», «Мертвецького Вылыкодня» и «Добре роби». Жуковскій склонялъ его къ такимъ переводамъ, въ интересахъ болѣе широкаго распространенія его произведеній, хотя, какъ человѣкъ большого литературнаго образованія, онъ не могъ не видѣть, что украинская форма изложенія болѣе сродни Квиткѣ и лучше передавала его произведенія, чѣмъ переложеніе ихъ въ русскихъ литературныхъ формахъ.

¹⁾ Петровъ, Очерки исторіи укр. лит. 90.

²⁾ Данилевскій, Украинская старина, 257.

Письменные сношенія Квитки съ Жуковскимъ были довольно продолжительны и устойчивы. Незадолго до кончины († 1843 г.), въ декабрь 1841 г. Квитка писалъ Жуковскому: «Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти»... Рѣчь идетъ о повѣсти «Жизнь Столбикова», которая, какъ видно изъ писемъ Квитки, написана была ранѣе «Халывскаго», а напечатана немного позднѣе, въ Современникѣ 1841 г. ¹⁾

¹⁾ Данилевскій, Укр. старина, 281.

В. А. Жуковскій и Т. Г. Шевченко.

Т. Г. Шевченко нашель въ Жуковскомъ благодѣтеля и друга. Жуковскій совмѣстно съ Брюловымъ сыгралъ большую роль въ дѣлѣ освобожденія Шевченка изъ крѣпостной неволи. Въ 1838 г. Шевченко — тогда чернорабочій маляръ въ мастерской Ширяева—познакомился съ талантливымъ и добродушнымъ профессоромъ академіи художествъ Венеціановымъ, былъ представленъ послѣднимъ знаменитому Брюлову, также профессору академіи, а у Брюлова познакомился съ Жуковскимъ и графомъ Вьельгорскимъ. Эти люди вынесли на своихъ плечахъ его освобожденіе.

Желая ознакомиться съ уровнемъ образованія самоучки-майлара Шевченка, въ интересахъ его освобожденія, Жуковскій задалъ ему тему—описать жизнь художника. Насколько удачно выполнилъ Шевченко эту задачу неизвѣстно; но, повидимому, Жуковскій былъ доволенъ. Съ этого времени онъ началъ сильно хлопотать о выкупѣ крѣпостного художника и поэта. «Гуманистъ, говоритъ Чалый о Жуковскомъ, воспитатель Державнаго Освободителя крестьянъ въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему высокому призванію» ¹⁾.

Первая попытка склонить владѣльца Энгельгардта къ освобожденію Шевченка во имя гуманности оказалась совершенно неудачной. Брюловъ отправился для переговоровъ къ Энгельгардту, но—увы!—вынесъ отъ него лишь то убѣжденіе, «что это самая крупная свинья въ торжковскихъ туфляхъ» и просилъ пріятеля Шевченка, художника Сошенка побывать у этой «амфибіи» и сговориться о цѣнѣ выкупа ²⁾. Сошенко поручилъ это щекотливое дѣло профессору Венеціанову, какъ человѣку болѣе авторитетному. Шевченка радовала и утѣшала забота о немъ высокопросвѣщенныхъ и гуманныхъ представителей русскаго искусства и литературы; но по временамъ на него находило уныніе, опасенія, минуты отчаянія. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія наткнулось на упорство помѣщика, Шевченко пришелъ однажды къ Сошенку въ страш-

¹⁾ Чалый, Жизнь и произ. Т. Шевченко, 25.

²⁾ Копискій, Жизнь Т. Г. Шевченко, 105.

номъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ грозилъ отплатить Ангельгардту и въ такомъ настроеніи ушелъ домой на свой грязный чердакъ. Сошенко сильно перетревожился за своего земляка и ждалъ большой бѣды. По свидѣтельству княжны Рециной, Жуковскій, узнавъ объ ужасномъ состояніи духа молодого человѣка, близкомъ къ самоубійству, написалъ къ нему на лоскуткѣ бумажки успокоительную записку. Эту записку Шевченко хранилъ у себя въ карманѣ, какъ святыню, и показывалъ ее княжнѣ въ 1843 г. До полученія этой записки Шевченко, по его словамъ, не читалъ стихотвореній Жуковскаго; онъ узналъ его прежде, какъ человѣка, а потомъ уже познакомился съ его произведеніями ¹⁾).

«Сторговавшись предварительно съ моимъ помѣщикомъ, говоритъ Шевченко въ своей автобіографіи, Жуковскій просилъ Брюлова написать съ него портретъ, съ цѣлю разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и портретъ былъ готовъ. Жуковскій, съ помощью гр. Вельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 руб., и этой цѣною была куплена моя свобода, 22 апрѣля 1838 г.». Въ знакъ особаго уваженія и глубокой признательности къ Жуковскому, Шевченко посвятилъ ему одно изъ наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній «Катерину». О томъ, какъ прошла лотерея, кто въ ней участвовалъ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Мартосъ говоритъ, что портретъ Жуковскаго былъ разыгранъ между высокими лицами Императорской фамиліи. Но Шевченко въ своихъ запискахъ отрицалъ это участіе. Проф. Н. И. Петровъ и Чалый склонялись въ пользу показанія Мартоса, Конискій склонялся въ сторону отрицательнаго рѣшенія, изъ предполагаемой искренности Шевченка, но все таки считаетъ этотъ вопросъ открытымъ ²⁾). Въ пользу показанія Мартоса говорили другія аналогичныя явленія, когда Жуковскій привлекалъ къ участию лицъ Императорской фамиліи. Полное разрѣшеніе этого вопроса дала апрѣльск. кн. Русск. Стар. 1902 г., заключающая въ себѣ много новыхъ, весьма важныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи В. А. Жуковскаго. Между прочимъ, здѣсь напечатано 12 писемъ и записокъ Жуковскаго къ графинѣ Ю. О. Барановой. Письма эти интересны во многихъ отношеніяхъ. Матеріалъ совсѣмъ новый. Изъ писемъ Жуковскаго къ Барановой ранѣе было извѣстно лишь одно, 1827 г., изданное въ Русскомъ Архивѣ 1885 II 322. Письма снабжены рисунками карриатурами Жуковскаго очень добродушнаго свойства. Въ этихъ письмахъ разсыпано нѣсколько новыхъ и весьма важныхъ извѣстій о выкупѣ Шевченка, извѣстій вполнѣ рѣшающихъ въ положительномъ

¹⁾ Чалый, 28.

²⁾ Конискій, 115.

смыслѣ вопросъ объ участіи Двора въ благотворительной лотореѣ въ пользу Шевченка.

Юлія Ѳедоровна Баранова, воспитательница дочери императора Николая I, статсъ-дама, съ 1846 г. графиня, принимала дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ благотворительныхъ хлопотахъ Жуковскаго въ концѣ 30 и въ 40-хъ годахъ.

Для исторіи освобожденія Шевченка имѣетъ значеніе юмористическое письмо Жуковскаго къ Барановой, написанное въ апрѣлѣ 1838 г., снабженное среди текста пятью юмористическими рисунками. Изъ этого и другихъ писемъ Жуковскаго видно, что Баранова называла его почему то Матвѣемъ, и Жуковскій иногда подписывался въ письмахъ къ ней просто Матвѣемъ. Письмо начинается съ такого заголовка: «Историческое обозрѣніе благодѣтельныхъ поступковъ Юліи Ѳедоровны и разныхъ другихъ обстоятельствъ, курьезныхъ происшествій и особенныхъ всякихъ шуточекъ. Сочиненіе Матвѣя».

Это г. Шевченко. Онъ говоритъ про себя: хотѣлось бы мнѣ написать картину, а хозяинъ велитъ мести горницу. У него въ одной рукѣ кисть, а въ другой помело, и онъ въ большомъ затрудненіи. Надъ нимъ въ облакахъ Юлія Ѳедоровна.

(Далѣе слѣдуетъ рисунокъ на этотъ сюжетъ, маленькій, въ вершокъ).

Это Брюловъ пишетъ портретъ съ Жуковскаго. На обоихъ лавровые вѣнки. Вдали Шевченко мететъ горницу. Въ облакахъ Юлія Ѳедоровна. Она думаетъ про себя, какой этотъ Матвѣй красавецъ. А Василій Андреевичъ, слыша это, благодаритъ внутренно Юлію Ѳедоровну и говоритъ про себя: я, пожалуй, готовъ быть и Максимомъ, и Демьяномъ, и Трофимомъ, только бы намъ выкупить Шевченка. Не безпокойся, Матюша, говоритъ изъ облаковъ Юлія Ѳедоровна—выкупишь Шевченка. А Шевченко знай себѣ мететъ горницу. Но это въ послѣдній разъ.

(Далѣе слѣдуетъ другой рисунокъ съ такимъ коментаріемъ).

Жуковскій въ видѣ Судьбы провозглашаетъ выигрышный билетъ. Въ одной рукѣ его карта, а въ другой отпускная Шевченка. Вдали портретъ Жуковскаго. Онъ пляшетъ отъ радости, потому что выигрышъ достался Государынѣ Императрицѣ. Шевченко выросъ отъ радости и играетъ на скрипкѣ качучу. А Юлія Ѳедоровна изъ облаковъ ихъ благославляетъ.

(Далѣе снова рисунокъ и подъ нимъ текстъ):

Юлія Ѳедоровна сошла съ облаковъ, въ которыхъ осталось одно только сіяніе. Въ ея рукѣ мѣшокъ съ деньгами (2,500 р.)... Примѣчаніе. Юлія Ѳедоровна отъ того такъ сѣштитъ собрать деньги, что Матвѣй скоро поѣдетъ за границу и долженъ прежде отъѣзда своего кончить это дѣло. Удивительная женщина эта Юлія Ѳедоровна! Кто ее не любитъ?

Дай ей Господь всякаго благополучія, ей самой, ея дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ. Матвѣй обѣщаль съ одною изъ ея правнучекъ проплясать за здоровье ея качучу.

(Наконецъ, слѣдуетъ послѣдній, пятый рисунокъ—двѣ фигурки ногами вверхъ и третья наверху въ облакахъ, съ такимъ краткимъ поясненіемъ):

Это Шевченко и Жуковскій, оба кувыркаются отъ радости. А Юлія Теодоровна благословляетъ ихъ изъ облаковъ ¹⁾.

Въ письмѣ этомъ Жуковскій вылился, какъ филантропъ, писатель и художникъ; выше всего стоитъ онъ здѣсь, какъ филантропъ, и прощія достоинства представляются лишь отраженіемъ его кроткой, любящей натуры. Письмо цѣнно, такъ какъ оно окончательно выясняетъ дѣятельное участіе Двора, при розыгрышѣ портрета Жуковского, и прямо указываетъ, что портретъ былъ выигранъ императрицей, которая, по всей вѣроятности, и была крупной участницей въ этой благотворительной и освободительной лотерей. Шевченко умалчиваль, болѣе того онъ прямо отрицаль участіе Двора; онъ могъ не знать объ этомъ участіи или, что вѣроятнѣе, онъ сознаваль за своей музой нѣкоторыя прегрѣшенія, въ особенности одно непозволительное прегрѣшеніе относительно доброй императрицы Александры Теодоровны. Наконецъ, письмо Жуковского еще тѣмъ важно, что къ именамъ извѣстныхъ благодѣтелей Шевченка въ дѣлѣ его выкупа, Жуковского, Брюлова, Венеціанова, гр. Вьельгорскаго, добавляетъ еще одно—имя Ю. О. Барановой, которая, очевидно, сыграла въ этомъ дѣлѣ очень большую и благотворную роль.

По освобожденіи, Шевченко, по его собственнымъ словамъ, «сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей Брюлова. Онъ вскорѣ близко сошелся съ художникомъ Штернбергомъ—любимымъ ученикомъ Брюлова. Въ 1839 году Жуковскій привезъ изъ за границы полный портфель произведеній Корнеліуса, Гессе и др. свѣтилъ мюнхенской школы и пригласилъ Шевченка и Штернберга осмотрѣть эту коллекцію. Шевченку картины не понравились. Увидѣли мы, говоритъ Шевченко, Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX в. Когда художники высказали свое мнѣніе, «кроткій и деликатный Василій Андреевичъ назвалъ ихъ испорченными учениками» Брюлова, произведенія котораго Жуковскій находилъ «слишкомъ матеріальными, придавливающими къ землѣ божественное искусство» ²⁾.

Въ 1847 г. надъ Шевченкомъ стряслась бѣда. За нѣкоторыя стихотворенія рѣзкаго политическаго содержанія Шевченко былъ сосланъ

¹⁾ Руск. Стар. 1902. IV, 124—126.

²⁾ Копискій, 131.

рядовымъ въ глухой Оренбургскій край, съ лишеніемъ права писать и рисовать. Это лишеніе для поэта и художника было тяжелой карой, и, понятно, что Шевченко страшно былъ удрученъ. Онъ искалъ выхода въ добротѣ Жуковскаго. Поздравляя кн. Репнину 1 января 1850 г. съ новымъ годомъ, Шевченко писалъ: «Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому и прошу его объ исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ; онъ съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. О большемъ не смѣю васъ беспокоить». Не зная лично Гоголя, Шевченко рѣшился написать ему «по праву малороссійскаго виршеплета» въ надеждѣ на украинскія симпатіи Гоголя. «Я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться — ужасна безнадежность! такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ бороться съ ней» ¹⁾. Шевченко послалъ Жуковскому трогательное письмо съ просьбой объ исходатайствованіи только одной милости—права рисовать ²⁾.

Нужно думать, не безъ участія Жуковскаго ³⁾, въ пользу кисти Шевченка хлопотали графъ Гудовичъ и А. Толстой; но помощь Шевченку въ этомъ маленькомъ, но для него чрезвычайно важномъ дѣлѣ, оказалось невозможнымъ. Обращался Шевченко съ просьбой и къ начальнику III отдѣленія генералу Дуббельту, писалъ, что кисть его никогда не грѣшила и не будетъ грѣшить въ смыслѣ политическомъ, но ничего не помогало; и запрещеніе рисовать не было снято до самаго освобожденія Шевченка.

Какъ бы то ни было, Шевченко въ теченіе всей своей жизни хранилъ чувство глубокой признательности къ Жуковскому, какъ своему благодѣтелю, и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, онъ, упоминая о Жуковскомъ, почтительно прописывалъ полностью его имя и отчество.

¹⁾ *Киѣвск. Стар.* 1883, II, 268.

²⁾ Оно издано Герномъ въ *Русск. Арх.* III, 553.

³⁾ *Конискій*, Т. Шевченко-Грушевскій, въ Сборникъ филол. сек. Наук. Товар. им. Шевченка 1901 по IV, 46.

В. А. Жуковскій и М. А. Максимовичъ.

«Щирый» малороссъ, большой почитатель и знатокъ малорусской народной словесности и исторіи Максимовичъ былъ сначала профессоръ ботаники въ московскомъ университетѣ, но его тянуло въ родную Украину. Тоска по родинѣ, болѣзнь, упадокъ силъ побуждали его хлопотать о переводѣ въ Кіевъ. Изъ письма Гоголя къ Максимовичу отъ 7 апр. 1834 г. видно, что Жуковскій и кн. Вяземскій приняли въ немъ самое близкое участіе и настойчиво ходатайствовали о переводѣ его въ Кіевскій университетъ съ кафедрой ботаники на кафедру исторіи русской словесности, по разстроенному здоровью ¹⁾. Министръ неохотно далъ согласіе. Максимовичъ блестяще оправдалъ хлопоты Жуковскаго и Вяземскаго. Изъ него вышелъ весьма полезный изслѣдователь малорусской старины и народности. Профессоръ Н. И. Петровъ говоритъ о Максимовичѣ: «Это мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда, при всей спеціальности его работъ, онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ челоѣкомъ ²⁾».

Въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ главнымъ представителемъ и лучшимъ дѣятелемъ въ области изученія малорусской исторіи и этнографіи былъ Максимовичъ, лучшимъ малорусскимъ беллетристомъ и описателемъ мѣстнаго быта былъ Квитка и лучшимъ малорусскимъ поэтомъ несомнѣнно Шевченко. Они съ разныхъ сторонъ подходили къ изученію южнорусской старины и народности, и каждый въ своей области, въ исторіи, въ этнографіи, въ поэзи, сдѣлалъ большой вкладъ и принесъ большую пользу, и каждому изъ этихъ дѣятелей помогалъ В. А. Жуковскій, который въ этомъ отношеніи сыгралъ роль высшаго общерусскаго нравственнаго объединителя, въ идеально чистомъ и благородномъ значеніи объединенія на почвѣ сердечныхъ и гуманныхъ отношеній и въ возвышенной сферѣ просвѣщенія, науки и искусства.

¹⁾ Гоголь, Письма, изд. Маркса 1902, I, 289,

²⁾ Петровъ, Очерки ист. укр. литер. 180.

В. А. Жуковскій и проф. Г. Парротъ.

Если отношеніе Жуковскаго къ проф. Максимовичу характерно для его отношеній къ людямъ науки, то еще болѣе характерно въ этомъ смыслѣ его отношеніе къ дерптскому профессору Парроту. На этихъ двухъ профессорахъ, съ прибавкой Я. К. Грота, можно выяснитъ и опредѣлитъ общее отношеніе Жуковскаго къ людямъ науки его времени, тѣмъ болѣе, что профессура Н. В. Гоголя, которую поддерживалъ Жуковскій, такое эфемерное явленіе, что и упоминать о ней не стоитъ, да и другой профессоръ и другъ Жуковскаго Плетневъ къ наукѣ имѣетъ отдаленное отношеніе и гораздо болѣе принадлежитъ исторіи русской литературы, какъ словесникъ и другъ словесниковъ.

Въ 1816 г. Жуковскій проживалъ въ Дерптѣ. Онъ близко сошелся со многими нѣмецкими профессорами и проникся мѣстными литературными интересами. Литературныя и общественныя симпатіи Жуковскаго въ то время близко сходились съ симпатіями дерптскаго студенчества. Русскій поэтъ принималъ участіе въ фуксъ-комерсахъ и написалъ панегирикъ 80 лѣтнему профессору Эверсу.

Къ этому времени, т. е. къ 1816 г. относится характерное письмо Жуковскаго къ Тургеневу о Парротѣ.

Во время Жуковскаго въ Дерптѣ выдѣлялся ректоръ университета Георгъ Парротъ, профессоръ физики, и немного позднѣе сынъ его, профессоръ физиологіи, Юганъ Парротъ. Георгъ Парротъ (1767 — 1852) игралъ важную роль въ жизни дерптскаго университета въ первыя 25 лѣтъ его существованія, въ положеніи талантливаго профессора, ректора (съ 1802 г.), личного друга императоровъ Александра I и Николая I. Въ 1802 г., при посѣщеніи дерптскаго университета Александромъ I, Парротъ сказалъ рѣчь, которая такъ понравилась императору, что онъ вошелъ съ скромнымъ ученымъ въ постоянныя дружескія сношенія. Парротъ получилъ открытый доступъ въ дворецъ. Между Императоромъ Александромъ и Парротомъ возникла дружеская переписка о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ. Цѣлые часы Парротъ проводилъ въ личной бесѣдѣ съ государемъ. Александръ довѣрялъ

¹⁾ Заларинъ, Жуковскій, 176.

ему тайны государственныя и частныя. Письма Паррота касались вопросов самодержавія, внутренняго строя государства, освобожденія крестьянъ, борьбы противъ лихоимства. Императоръ Николай продолжалъ переписку съ Парротомъ, и съ 1827 по 1849 г. явилось до 200 писемъ и записокъ, поданныхъ Парротомъ Императору Николаю. Баронъ Корфъ въ соч. «Жизнь Сперанскаго» говоритъ, что Парротъ былъ «ученый честный, умный, добросовѣстный, съ безкорыстіемъ и смѣлостью челоуѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъявленіе милости...»¹⁾.

Въ 1816 г. Жуковскій писалъ А. Тургеневу изъ Дерпта: «Здѣсь есть прекрасные люди. И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденіямъ сердца, Парротъ, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ»²⁾.

Человѣкъ этотъ, повидимому, производилъ очаровательное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, попадавшихъ въ Дерптъ. Нѣсколько лѣтъ позднѣе Языковъ, при перечисленіи дерптскихъ профессоровъ, отмѣтилъ: «академикъ Парротъ, французъ, другъ Императора Александра I, челоуѣкъ славный своимъ умомъ, честностью и прямою своего характера»³⁾.

Въ сношеніяхъ Паррота съ Императоромъ Александромъ произошла временный перерывъ послѣ письма Паррота, гдѣ онъ сочувственно высказался объ опальномъ Сперанскомъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ одно мѣсто въ письмѣ Жуковскаго къ А. Тургеневу 1817 г.⁴⁾.

«Парротъ, лучший изъ профессоровъ дерптскаго университета, долженъ будетъ, чтобы избѣжать долговъ, продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, т. е. послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую надобно было бы спокойно наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала; для куска хлѣба подчинить себя частному челоуѣку и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и признаюсь заставляеть коситься на мой пенсіонъ; я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ семьи! И что же я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена нуждами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею, что жъ ему наградою? та же бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, заканчиваетъ Жуковскій свое письмо, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте».

1) См. Энцикл. Словарь *Брокгауза, Ефрона и Корфа* «Жизнь Сперанскаго» II.

2) *Русск. Арх.* 1867, 810.

3) *Русск. Арх.* 1867, 726.

4) *Русск. Арх.* 1867, 814.

Заключительныя строки письма Жуковскаго прямо указывают на практическую цѣль вызвать къ Парроту сочувствіе и поддержку. И Жуковскій не напрасно хлопоталъ. Письмо его не осталось безъ пользы для Паррота. Въ какой формѣ была оказана Парроту поддержка, изъ писемъ Жуковскаго невидно, но что такая поддержка пришла при участіи Тургенева, видно изъ одной случайно оброченной фразы въ письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу отъ 24 февр. 1817 года: «какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова» ¹⁾.

¹⁾ Русск. Арх. 1867, 814.

В. А. Жуковскій и Я. К. Гротъ.

Жуковскій помогъ Я. К. Гроту сдѣлаться ученымъ и оказалъ такимъ образомъ услугу русской наукѣ. «Вскорѣ послѣ появленія въ «Современникѣ» 1838 г. моего перевода «Мазепы» Байрона, говоритъ Гротъ, В. А. черезъ Плетнева попросилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ наз. Шепелевскомъ домѣ (часть Зимняго дворца, гдѣ нынѣ музей)... Я засталъ его работающимъ въ халатѣ передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, спрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтывалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучшій источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ комнатамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картонокъ съ автографами его сочиненій. Собираясь ѣхать за границу въ свитѣ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швеціи познакомиться съ Тегнеромъ и взялъ у меня рукопись почти оконченнаго мной перевода «Фритіофъ—сага». Въ слѣдующемъ (т. е. 1839 г.) Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной Канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую кафедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ, Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ»¹⁾.

Благодарный Гротъ собиралъ матеріалы для изученія поэзіи Жуковскаго, склонялъ Плетнева къ составленію его жизнеописанія и въ 1883 г. напечаталъ дѣльную о немъ статью.

Въ 1838 г. Я. К. Гротъ написалъ сонетъ Жуковскому, который опубликовалъ лишь въ 1883 г.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!

Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,

И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ

И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

¹⁾ Гротъ въ 32 т. Сборн. Акад. Н. 1883, стр. 30.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ.
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ;
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ;
Отъ тщетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.
Хвала судьбѣ! сбылись давнишнія мечты;
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,
Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть, а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты ¹⁾).

---

1) *Сборн. Ак. Н. 1883, т. 32. Жуковскій не зналъ объ этомъ советѣ.*

В. А. Жуковскій и А. Мещевскій.

Мещевскій, питомецъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, стоялъ близко къ литературному кружку Александра Тургенева и Жуковскаго. Онъ помѣщаль стихотворенія въ тогдашнихъ журналахъ. Историкъ Московскаго Благороднаго Пансіона Н. В. Сушковъ, перечисляя тѣхъ его питомцевъ, которые были рано забыты или не вполне оцѣнены, упоминаетъ Мещевскаго. Другой современникъ Мещевскаго, Головинъ, называетъ его поэтомъ, «завиднымъ по таланту, несчастнымъ по судьбѣ». По его словамъ, «въ Мещевскомъ ума, силы, таланта много, вкусу меньше, разсудка также; чувство глубокое, то не изящное: онъ не умѣетъ растворяться душою»... Вслѣдствіе какой-то «исторіи», сущность которой остается неизвѣстной, Мещевскій въ 1816 г. попалъ въ солдаты и сосланъ былъ въ Оренбургъ, входившій тогда въ составъ Сибири. Съ этого времени начинаются горячія о немъ хлопоты его друзей, Жуковскаго, кн. Вяземскаго и А. Тургенева. Первымъ и сильнымъ горячимъ и настойчивымъ ходатаемъ за него является Жуковскій. «Любезный Александръ Ивановичъ, писалъ Жуковскій Тургеневу въ концѣ 1816 г.; вы хвастаете Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики!... Но, милые друзья, надо помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу. Мещевскій въ Сибири, а вы, друзья, очень весело проживаете въ Петербургѣ. Если вы не собрались вспомнить о немъ по разсѣянности, то это срамъ и ребячество. Если жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это? Я не знаю, какъ назвать это! На что же намъ толковать о добрѣ, объ общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ... Ни на то, ни на другое мы не имѣемъ права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а, можетъ быть, что еще важнѣе, о нравственномъ спасеніи человѣка, который себя намъ ввѣряетъ» ¹⁾....

Г. Витбергъ предполагаетъ, что это письмо Жуковскаго вызвано тѣмъ, что «Мещевскій, вѣроятно, самъ обратился къ бывшимъ своимъ

¹⁾ Русск. Арх. 1867 г.

товарищамъ по Благородному Пансіону съ просьбой о помощи ¹⁾. На это указываетъ замѣчаніе Жуковскаго, что Мещевскій себя «ввѣряетъ». Сердобольный и отзывчивый Жуковскій ближе всѣхъ принялъ къ сердцу положеніе Мещевскаго. Одновременно съ письмомъ къ Тургеневу, онъ писалъ и кн. Н. Батюшкову, и князю Вяземскому. Изъ одного письма кн. Вяземскаго 1816 г. видно, что Жуковскій собиралъ деньги въ пользу Мещевскаго. Любопытно, что вскорѣ Жуковскій дѣлаетъ своимъ арзамаскимъ друзьямъ укоръ за то, что принужденъ писать къ нимъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ. «Въ началѣ 1817 г. Жуковскій снова пишетъ Тургеневу: «Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ».

Побуждая друзей къ помощи несчастному товарищу, Жуковскій поддерживалъ съ нимъ сношенія, не давалъ ему падать духомъ и поддерживалъ его поэтическую дѣятельность. Благодаря этой сердечной дружеской поддержкѣ, Мещевскій въ сылкѣ переложилъ въ стихи повѣсть Карамзина «Наталья, боярская дочь». Жуковскій по этому поводу написалъ цѣлый рядъ писемъ въ пользу Мещевскаго Кавелину, Блудову, Карамзину и др. А. И. Тургеневу онъ писалъ: «Придумай, что можешь придумать. Я наложилъ на тебя и на Николая (брата) подать, нужную для напечатанія Натальи; ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка» ²⁾.

Хлопоты Жуковскаго и другихъ арзамасцевъ о стихотворной повѣсти Мещевскаго привели къ тому, что въ 1817 г. она была издана въ Петербургѣ.

Въ дѣлѣ Мещевскаго ярко выступаетъ филантропическая дѣятельность Арзамаса подъ воздѣйствіемъ на него Жуковскаго. Изъ троихъ арзамасцевъ, переписывавшихся по дѣлу Мещевскаго, Жуковскій проявилъ наибольшее усердіе. Онъ лучше всѣхъ понималъ, что ограничиться одной денежной помощью невозможно. Его заботой было «нравственное спасеніе человѣка». И вотъ онъ расширяетъ кругъ своихъ заботъ о Мещевскомъ. Когда Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ графъ Эссенъ, Жуковскій поспѣшилъ склонить арзамасцевъ къ просьбѣ объ облегченіи участи Мещевскаго. Хлопоты въ пользу Мещевскаго не остались безъ успѣха. Въ 1819 г. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому изъ Петербурга: «О Мещевскимъ я хлопочу здѣсь, но не знаю, будетъ ли успѣхъ. Теперь онъ тамъ не безъ покровителей. Въ одномъ письмѣ Вяземскаго къ Тургеневу 1819 г. есть намекъ на попытку доставить Мещевскому свободу при посредствѣ Жуковскаго; имѣлось въ виду, повидимому, просить императрицу Марію Ѳеодоровну; но о даль-

¹⁾ Литерат. Вѣст. 1901, V, 8.

²⁾ Русскій Архивъ, 1867 г.

нѣйшей судьбѣ Мещевскаго ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что опальный поэтъ и въ ссылкѣ могъ заниматься литературными работами. Въ 1818 г. онъ передѣлалъ въ стихи «Марьину Роцу» Жуковскаго и хотѣлъ посвятить эту передѣлку Жуковскому, Вяземскому и Тургеневу, въ знакъ признательности за ихъ доброжелательство и поддержку. Въ 1819 г. Мещевскій выслалъ Каченовскому переводъ 1 явленія трагедіи Вольтера «Смерть Цезаря». Годъ смерти Мещевскаго относится предположительно къ началу 20-хъ годовъ¹⁾; такое предположеніе достаточно оправдываетъ прекращеніе всѣхъ слѣдовъ его дальнѣйшаго существованія.

¹⁾ О Мещевскомъ у Витберга въ *Литерат. Вѣстн.* 1901 V, 5—12, у Саитова, въ примѣч. къ соч. Батюшкова 1887 г. и къ I т. *Остафьевскаго Архива*, 430; въ *Русск. Арх.* 1867, 811, 815, 816, 818, въ *Энцикл. Слов.* Брокгауза и Ефрана (Мещовскій); Зейдлицъ, *Жизнь и поэзія Жук.* 106.

В. А. Жуковскій и Е. А. Баратынскій.

Баратынскій въ юности, во время обученія въ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ дурную товарищескую компанію и, когда одинъ изъ его товарищей сильно провинился, то и Баратынскій былъ исключенъ изъ корпуса, съ запрещеніемъ поступленія на службу. Послѣ многихъ хлопотъ онъ получилъ разрѣшеніе поступить въ гвардію рядовымъ. Солдатскую службу Баратынскій несъ съ терпѣніемъ, дослужился до унтеръ-офицера, но никакъ не могъ получить офицерскаго чина, который давалъ бы ему выходъ въ люди. Съ просьбой о содѣйствіи Баратынскій обратился къ Жуковскому. Жуковскій, при содѣйствіи великой княгини Елены Павловны, выхлопалъ производство. «Вы одни мнѣ благодѣтельствуете, писалъ ему по этому поводу Баратынскій 5 марта 1824 г., помня только, что я несчастливъ и имѣлъ нужду въ утѣшеніи. Я любилъ васъ, плакалъ надъ вашими стихами, прежде нежели узналъ васъ лично, прежде нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества вашего сердца. До меня дошли такія хорошія вѣсти о моемъ дѣлѣ, что, право, я боюсь имъ вѣрить. Препоручаю судьбу мою вамъ, моему генію—покровителю. Вы начали, вы и довершите. Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ считать себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе, и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами, что поэзія есть добродѣтель, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ васъ соединены всѣ ея великія свойства».

Въ Баратынскомъ приняли участіе также А. И. Тургеневъ, имѣвшій доступъ во дворецъ, и финляндскій генераль-губернаторъ Закревскій. По производствѣ въ офицеры въ 1825 г., Баратынскій оставилъ военную службу ¹⁾.

---

¹⁾ Русск. Арх. 1867.

В. А. Жуковскій и А. Ө. фонъ-деръ-Бриггенъ.

Въ 1825 г. въ Измайловскомъ полку служилъ молодой, образованный офицеръ фонъ-деръ-Бриггенъ. За прикосновенность къ событію 14 декабря онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Многіе годы онъ провелъ въ Курганѣ Тобольской губ. Здѣсь онъ выбился на службу (служилъ засѣдателемъ суда) и занимался литературой (переводилъ Юлія Цезаря). Въ 1845 г. Жуковскій съ береговъ Майна вошелъ съ Б. въ сношенія, при неизбѣжномъ посредствѣ III отдѣленія. Жуковскій любезно принялъ на себя хлопоты по изданію перевода Цезаря и въ письмахъ побуждалъ Бриггена къ дальнѣйшей переводческой дѣятельности, совѣтовалъ ему перевести Салюстія, составить хрестоматію изъ древнихъ историковъ, общалъ ему выслать нужныя ему книги изъ за границы, пересылалъ ему свои сочиненія. «Трудъ—великій волшебникъ, пишетъ Ж. Бриггену; онъ всемогущій властитель настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это настоящее, дружелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ его печали, даетъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ. И въ Курганѣ это волшебство равно дѣйствительно, какъ и на берегу Майна. А если при этомъ тайномъ дѣйствиіи труда, ограниченнаго предѣлами житейскаго настоящаго, слышится голосъ, нѣкогда произнесшій: «Прийдите ко мнѣ всѣ труждающіеся, и Азъ успокою вы», и если сердце этому голосу вѣрить и ему ввѣряется, то и будущее становится свѣтлымъ, не здѣшнее ненадежное будущее, а то вѣрное будущее, къ которому всѣмъ намъ со всѣхъ точекъ земли проложена прямая дорога». — «Трудъ, говоритъ Ж. въ другомъ письмѣ къ Бриггену отъ 1 іюня 1846 г., —благотворитель души человѣческой, очарователь и животворитель настоящаго; не знаю, были ли ему воздвигнуты алтари у древнихъ, но онъ достоинъ алтарей во всякое время». Хорошо зная, какія непредвидѣнныя затрудненія могутъ встрѣтиться при изданіи сочиненій ссыльнаго писателя, Ж. дѣлаетъ въ одномъ письмѣ замѣчанія, которыя, повидимому, адресованы не Бриггену, а лицамъ, управлявшимъ III отдѣленіемъ, черезъ которое проходили письма и гдѣ они прочитывались. «Сердечно благодарю васъ, пишетъ Ж. въ письмѣ отъ

30 іюня 1845 г., за желаніе ваше посвятить мнѣ вашъ переводъ Цезаря, на что съ благодарностью соглашаюсь. Не предполагаю нимало, чтобы исполненію этого желанія и напечатанію вашего перевода было положено какое-нибудь препятствіе. Книга ваша доставитъ полезное чтеніе для людей военныхъ, и въ то же время будетъ замѣчательнымъ явленіемъ литературнымъ...» Въ одномъ письмѣ Ж. къ Бриггену отъ 15 іюня 1847 г. на адресѣ приписана другою рукою: «При семь 141 р. 58 к. серебромъ». Эта приписка даетъ поводъ думать, что Ж., по своему обыкновению, помогаль Бриггену не только совѣтомъ и книгами, но и деньгами ¹⁾.

Одновременно въ письмахъ къ генералу Дуббельту Жуковскій просилъ его о милостивомъ и покровительственномъ отношеніи къ Бриггену. «Двадцать лѣтъ изгнанничества и смиренной покорности своему бѣдствію, писалъ Жуковскій, даютъ, кажется, право на облегченіе участи. Видите сами, какъ Бриггенъ сноситъ свой жребій и какой образъ мыслей выражается въ его письмахъ. Вашему сердцу будетъ усладительно дать этой бѣдной, одиноко страждущей душѣ столько простора, чтобы она могла освѣжиться еще и на здѣшнемъ свѣтѣ: благотворенія, оказываемыя нами, едва ли не полезнѣе намъ самимъ, нежели тѣмъ, на кого они проливаются, если только будемъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрять на нихъ съ неба... Вы, можетъ быть, спросите, давно ли я знаю фонъ-деръ-Бриггена? Я его всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ, при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наслѣдникомъ. Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ».

Относительно самого перевода Цезаря Жуковскій писалъ Дуббельту, что «книга общеполезная» и заявлялъ о своемъ желаніи принять на себя изданіе. «Я увѣренъ, писалъ Жуковскій, что переводъ хорошъ, ибо Бриггенъ умѣетъ владѣть русскимъ языкомъ и коротко знакомъ съ латинскимъ».

Императоръ разрѣшилъ печатаніе рукописи и посвященіе ея Жуковскому, но безъ обозначенія имени переводчика. Первая часть перевода была доставлена Жуковскому для изданія, и Жуковскій препроводилъ къ Дуббельту впередъ для Бриггена 714 р. 26 к. Вторая часть была доставлена съ значительнымъ замедленіемъ. Трудъ Бриггена не былъ напечатанъ, и въ настоящее время рукопись его хранится въ Императорской публичной библиотекѣ съ надписью Бриггена: «Посвящаю Василию Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человечества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности нелицемерной» ²⁾.

¹⁾ *Русск. Арх.* 1867.

²⁾ *Дубровинъ*, въ *Русск. Стар.* 1902, IV, 119.

В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ.

Съ наибольшей яркостью гуманное отношеніе Жуковскаго къ декабристамъ обнаруживается въ его перепискѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ.

О личности Кюхельбекера существуютъ различные отзывы. Дельвигъ и Гречъ называли его человѣкомъ крайне впечатлительнымъ и полусумасшедшимъ. Рылѣевъ считалъ его человѣкомъ добрымъ и весьма даровитымъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ Баратынскаго, какъ человѣка, чуждаго декабристамъ, отзывъ безъ вражды Греча и любви Рылѣева. Баратынскій называетъ Кюхельбекера человѣкомъ занимательнымъ во многихъ отношеніяхъ: «Онъ съ большимъ дарованіемъ, и характеръ его сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака Руссо, та же женственность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, ведущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру и прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву, человѣкъ, вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія». Кюхельбекеръ стоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ своему липейскому товарищу А. С. Пушкину, къ Жуковскому, кн. В. Ѳ. Одоевскому. Кюхельбекеръ познакомился съ Жуковскимъ въ 1817 г., въ годъ окончанія Царскосельскаго Лицея. Воейковъ писалъ ему по этому поводу 14 октября 1817 г.; «Поздравляю васъ съ такимъ другомъ братомъ. Проживя съ Жуковскимъ полвѣка, видя его въ разныхъ обстоятельствахъ, въ счастіи и въ несчастіи, въ горѣ и радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьи, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что удивительнѣе въ немъ, — необыкновенное ли его дарованіе или необыкновенной его характеръ. Я видѣлъ, съ какой готовностью жертвуетъ онъ самыми драгоценными для своего сердца благами счастья другихъ, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастія, подъ которыми упалъ бы всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастью, часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастью. Знаю

только что живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становишься лучше, выше, добрѣе» ¹⁾).

Кюхельбекеръ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости восторженнаго отзыва Воейкова о Жуковскомъ. И до 1825, и по ссылкѣ въ Сибирь, Кюхельбекеръ находилъ въ Жуковскомъ искренняго друга и покровителя.

Въ 1822 г. Кюхельбекеръ подъ вліяніемъ стѣсненныхъ матеріальныхъ средствъ находился въ мрачномъ настроеніи духа. Ему стала приходить въ голову мысль о самоубійствѣ, и онъ проговорился о томъ Жуковскому. Со стороны Жуковскаго немедленно послѣдовалъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ:

«Ваше письмо очень грустно и мрачно и расположеніе ваше заставляетъ невольно о васъ беспокоиться. Тѣ мысли, которыми вы наполнены, весьма свойственны человѣку съ чувствомъ и воображеніемъ; но вы любите питать ихъ; я этого не оправдываю. Такого рода расположеніе недостойно человѣка. По какому праву браните вы жизнь и считаете позволительнымъ съ нею разстаться. Этому нѣтъ никакого другаго имени, кромѣ укорительнаго: сумашествіе. Вы можете быть дѣятельны съ пользою, а вы бросаетесь въ область тѣней и съ какою-то гордостью смотрите оттуда на существующее, могущее быть для васъ прекраснымъ. Составьте себѣ характеръ; составьте себѣ твердыя правила, ясныя понятія. Если вы несчастны, боритесь твердо съ несчастьемъ, не падайте—вотъ въ чемъ достоинство человѣка! Сдѣлать изъ себя кусокъ мертвечины, въ которомъ будутъ гнѣздиться черви, весьма легко; первый глупый слесарь дастъ вамъ на это средство, продавъ вамъ дурной пистолетъ. И никто этому не удивится; оригинальности же въ этомъ нѣтъ никакой; даже и между безумствами—это не оригинальное. Виновать, что пишу вамъ такъ рѣзко, но, признаюсь, досадно читать ваше письмо. Ваши мысли были бы смѣшны, если бы онѣ не возбуждали сожалѣнія и досады. Но я надѣюсь, что мрачное расположеніе, ихъ произведшее, миновалось, и какъ вашъ духовный отецъ требую, чтобы вы покаялись и перестали находить высокое въ униженномъ. Вы созданы быть добрымъ; слѣдовательно должны любить и уважать жизнь, какъ бы она въ инныя минуты ни терзала. Жду отъ васъ письма болѣе утѣшительнаго и обнимаю васъ. Вашъ Жуковскій» ²⁾).

Изъ письма Энгельгардта къ Кюхельбекеру отъ 12 іюня 1823 г. узнаемъ, что Жуковскій изыскивалъ средства помочь Кюхельбекеру.

¹⁾ Рус. Стар., 1875, XIII, 359.

²⁾ Рус. Стар., 1875, XIII, 364.

За дѣятельное участіе въ событіи 14 декабря Кюхельбекеръ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, по заступничеству в. кн. Михаила Павловича, была замѣнена 15-ти лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости и послѣдующей ссылкой на поселеніе.

Прошло 12 тяжелыхъ лѣтъ. Кюхельбекеръ находился уже на поселеніи въ Баргузинѣ. 24-го мая 1838 г. онъ отправилъ Жуковскому письмо слѣдующаго содержанія ¹⁾: «Милостивый Государь, Василій Андреевичъ! Дойдутъ ли эти строки? вотъ вопросъ, съ котораго начинаю всѣ мои письма, адресованныя самымъ ближнимъ моимъ родственникамъ; вопросъ мучительный, особенно въ теперешнемъ случаѣ, когда пишу къ вамъ, почтенный В. А., потому что изъ всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня—юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто.... Горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1847 г. Вы ободрили меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ моего поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцомъ. И теперь отраднo мнѣ говорить самому себѣ (здѣсь другому этого не расскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ;—Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: «Для немногихъ»; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его грамматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю..... Потомъ обстоятельства, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; но и въ 25 году я нашелъ въ васъ тоже сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Испушилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними? Пусть сблизятъ насъ, почтенный В. А., хоть общія утраты; тотъ, чью смерть изобразили вы съ такимъ глубокимъ чувствомъ (говорится о Пушкинѣ), кто былъ вашимъ другомъ, былъ другомъ и мнѣ и подъ конецъ жизни своей чуть ли не единственнымъ; кто нынѣ, особенно изъ пишущей братіи, приметъ во мнѣ такое живое, сердечное, дѣятельное участіе, какое Пушкинъ принималъ во мнѣ—узникъ, а потомъ изгнанникъ? Если не вы, такъ ужъ вѣрно никто.—А между тѣмъ невольнo призадумался при мысли о будущемъ. Я женатъ: у меня дѣти; кромѣ того семейство брата; пріобрѣтать хлѣбъ трудами рукъ своихъ я совершенно не въ состояніи; 10 лѣтъ заточенія прошли мнѣ не даромъ; я тѣлесными силами слабѣе ребенка; кромѣ того не владѣю лѣвою рукою; въ добавокъ здѣсь и способы всѣ отняты, и отъ непрерывной засухи 3 года сряду неурожаи. Петербургскія же пособія едва ли не вовсе истощились. Нужда, М. Г., заставляетъ меня повторить просьбу, съ которою я уже

¹⁾ Русск. Арх. 1871, 0174.

обращался къ кое-кому безъ успѣха; исходатайствуйте мнѣ позволеніе выработать хлѣбъ насущный литературными безыменными трудами. Вы близки къ Его Высочеству Наслѣднику: не сомнѣваюсь, что удастся, если онъ замолвить за меня слово. Теперь рѣчь не о славѣ, а, повторяю, о хлѣбѣ насущномъ, и не для меня, а для безвиннаго моего семейства». Жуковскій изъ Дармштадта послалъ Кюхельбекеру письмо въ іюль 1840 г. Письмо дошло къ К., по установленному для политическихъ ссыльныхъ, порядку чрезъ III отдѣленіе. Письмо Жуковского поддержало и ободрило Кюхельбекера. Въ 1840 г. 10 ноября онъ писалъ Жуковскому изъ Акшинской крѣпости: «М. Г. В. А.! Хотя я всегда ожидалъ отъ васъ всего прекраснаго и высокаго, однако, признаюсь, долго не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда подъ однимъ изъ писемъ, которыя получилъ вчера, увидѣлъ ваше драгоценное мнѣ имя. И что это за письмо! Какая душа отсвѣчиваетъ тутъ на каждой строкѣ! Благородный, единственный В. А.! Я знавала людей съ талантомъ, людей съ гениемъ, но, Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ, высказанной вами же, что поэзія есть добродѣтель.—Ваше письмо стану хранить вмѣстѣ съ портретомъ матушки, съ единственной дожившею до меня рукописью покойнаго отца, съ послѣднимъ письмомъ и манишною застежкой,—наслѣдіемъ Пушкина: вотъ реликвіи, которыя, когда прилетитъ за мной мой ангелъ, передамъ своему Мишѣ: по нимъ узнаютъ мои друзья, что онъ сынъ мой.... Приношу вамъ сердечную благодарность и за вашъ дорогой подарокъ ¹⁾. Ваши сочиненія воскресили для меня все мое бывшее. При Ахиллесѣ я вспомнилъ, что я первый еще въ Лицеѣ познакомилъ съ нимъ Пушкина, который, прочитавъ два раза, уже зналъ его наизусть; Вадима читалъ мнѣ въ вашемъ присутствіи Д. Н. Блудовъ»..... Далѣе Кюхельбекеръ сообщаетъ, что онъ написалъ много сочиненій; но не получилъ разрѣшенія печатать ихъ, и проситъ хлопотать о разрѣшеніи. Онъ кончаетъ письмо словами: «Ваше письмо пролило мнѣ въ грудь богатый источникъ утѣшенія. Вотъ что я во вчерашнюю безсонную, но не мучительную ночь отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ неоцѣненномъ мнѣ письмѣ»: «Кюхельбекеръ въ Акшѣ ²⁾ получилъ письмо отъ Жуковского изъ Дармштадта, письмо, которое показываетъ высокую, благородную душу писавшаго. Есть же, Боже мой, на твоёмъ свѣтѣ люди» ³⁾.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ 1840, 1841, 1842, и 1845 г. К. послалъ Жуковскому черезъ III Отдѣленіе четыре письма съ просьбой

¹⁾ Сочиненія Пушкина и Жуковского.

²⁾ Акша—Нерчин. у. Иркутск. губ.

³⁾ Русск. Авх. 1871. Въ Дневникѣ Кюхельбекера, изданномъ въ Русск. Стар. 1891 г., действительно, есть такое мѣсто (т. 72, стр. 83).

о пособіи, и ни одно изъ этихъ писемъ не дошло до Жуковскаго. Письма, очевидно, намѣренно были недоставлены по назначенію, чтобы лишить Жуковскаго возможности что нибудь сдѣлать для Кюхельбекера. Въ 1845 г. К. послалъ Жуковскому письмо черезъ одно частное лицо, и въ этомъ письмѣ писалъ слѣдующее: «Крайняя только нужда и необходимость горькая заставляють меня писать вамъ не совсѣмъ позволённымъ путемъ.... Изъ сильнаго и бодрого мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкою и чахоточнымъ кашлемъ старикомъ, слѣпцомъ, котораго насилу ноги носятъ. Мои дни сочтены. Неужели пушу по міру мою добрую жену и милыхъ дѣтей. Говорю съ поэтомъ, и сверхъ того полуумирающій пріобрѣтаетъ право говорить безъ большихъ церемоній. Спасите, мой другъ и старшій братъ по поэзіи, теперь покуда хоть 3-ю часть «Ижорскаго» (сочиненіе К.), откройте мнѣ средство доставить вамъ ее, вмѣстѣ съ выправленнымъ экземпляромъ первыхъ двухъ отдѣленій. Я на васъ вполне полагаюсь, какъ на одного изъ благороднѣйшихъ и добродушныхъ людей, какихъ я знавалъ, какъ на поэта, какъ на Жуковскаго. Удастся, слава Богу, не удастся, не вы виноваты, воля Божія»¹⁾. Прежде чѣмъ письмо это могло дойти до Жуковскаго, Кюхельбекеръ скончался отъ чахотки въ 1846 г.

¹⁾ Русск. Арх., 1872, стр. 1004.